Конан
КОНАН
И УЗНИКИ
КАМНЯ

Annotation

Произведение приписано Терри Доновану, однако сам автор, скрывающийся под этим псевдонимом, отрицает свою причастность к тексту.

«Северо-Запад Пресс», «АСТ», 2005, том 114 «Конан и узники камня»
Терри Донован. Сапфировый остров (повесть), стр. 260-341

- Терри Донован
  - I
  - II
  - III
  - IV
  - V
  - VI
  - VII

Терри Донован
Сапфировый остров

I

— Так значит, тебе не понравилось в Стигии? — спросил Конан. Корделия Аквилонская встряхнула головой, словно хотела избавиться от неприятных воспоминаний. Черные, как ночь, волосы девушки взметнулись и легким облаком опустились на обнаженные плечи.

— Люди там странные, — сказала она. — Верят во всякую ерунду. И потом, Конан, они отказались мне платить.

— Как непорядочно с их стороны, — усмехнулся северянин. — А чего ты еще ждала от жрецов Сета?

Девушка пожала плечами. Она запустила руку в кожаную сумку, висевшую на поясе, и вынула человеческий череп. Киммериец повидал в своей жизни многое — но подобная вещица удивила даже его.

Корделия полюбовалась на свое сокровище, легко подбросила на руке и вернула в мешок.

— От этого парня я жду семь тысяч золотых, — сказала она. — Столько заплатят мне алхимики в Аргосе, за череп стигийского жреца. Совсем свежий.

Конан поморщился. Многие видели в нем лишь грубого, жестокого варвара — но они ошибались. Как и все киммерийцы, северянин привык с почтением относиться к мертвым. Даже когда речь шла о стигийских жрецах.

— И тебе не противно таскать это с собой? — спросил он.

— Не волнуйся, — отмахнулась Корделия. — Я вымочила трофей в настое из листьев амаранта. Теперь он не опасен.

Девушка задумалась и снова покопалась в сумке.

— Как ты думаешь, — спросила она. — Сколько мне дадут за черепа аколитов? Конечно, не то же самое, что жрец, но все-таки не хочется продешевить.

Конан только покачал головой. Только ему начинало казаться, что он привык к Корделии и ее выходкам, как жизнь сразу доказывала обратное.

Вокруг шумел портовый город. Тяжелые корабли покачивались возле каменного причала, словно гигантские драконы с широкими крыльями парусов. Отсюда Конану предстояло отправиться в Аргос; и, судя по всему, с Корделией в качестве спутницы.

Нельзя сказать, будто северянин недолюбливал девушку. Но она умела

притягивать к себе неприятности, словно мед — насекомых. Киммериец понимал, что и это плавание тоже не обойдется без приключений.

Группа моряков спускалась с борта тяжелой триремы. Выстроенный на скале, далеко выдающейся в море, город Мелант был одним из немногих портов, где корабли с такой тяжелой осадкой могли приставать прямо к берегу. Киммериец ни мало не заинтересовал мореплавателей. Проведя долгие месяцы в открытом океане, они думали только о развлечениях — и вряд ли заметили бы Конана в пестрой портовой толпе, даже несмотря на его высокий рост и не совсем обычную внешность.

Зато Корделию заметили сразу.

Привыкшая полагаться в бою на ловкость, а не тяжелый доспех, девушка носила лишь легкую кожаную куртку, и клепаную короткую юбку, состоявшую из отдельных полос и потому не стеснявшую движений.

Сильное, красивое тело аквилонки оставалось наполовину обнаженным, и сразу приковало внимание моряков. Впрочем, будь даже Корделия облачена в монашескую одежду, ее прекрасное лицо, бездонные глаза и алые губы могли свести с ума любого мужчину.

Что же говорить о мореходах, которые так давно были лишены женского общества. Привыкнув к ласкам потасканных портовых девиц, они никак не ожидали встретить на берегу такую красавицу. Вот тебе и неприятности, подумал Конан. Северянин расслабил мышцы, готовый в любой момент выхватить из ножен меч.

— Привет, красотка! — закричал один из моряков, с выбитым передним зубом и оспинами на лице. — Нас дожидаешься?

Его товарищи радостно засмеялись.

Конан не обладал особым чувством юмора — однако сомневался, будто самый утонченный поэт, найдет в словах матроса что-нибудь смешное. Северянину очень не хотелось ввязываться в историю, но, судя по всему, неприятности уже накатывали на него широкой океанской волной.

Лицо Корделии вспыхнуло от удовольствия.

Как ни уродлив был моряк, сколь грубо ни звучали его слова — они очень понравились девушке. «Моя спутница так любит комплименты, — подумал Конан, — что с радостью примет их даже от каракатицы. Неужели она не понимает, на какую беду напрашивается?»

— Издалека прибыли? — весело спросила аквилонка.

— Из Кордавы! — откликнулся другой моряк.

Лицом он был получше своего товарища — зато на его правом плече красовалась черная татуировка, в виде головы льва. Это означало, что перед ними беглый каторжанин, осужденный за несколько убийств. В

порту Меланта на такое не обращали внимание — главное, чтобы матрос беспрекословно слушался капитана и не устраивал беспорядков. Однако Конану что-то не хотелось ближе знакомиться с этим парнем.

— Все время нам помогал попутный ветер, — вмешался в разговор третий.

Он явно опасался, что товарищи перехватят у него из-под носа красотку.

— А про пиратов мы и думать забыли — словно их всех поглотал черный левиафан.

— Даже скучно было, — подтвердил каторжанин. — А не составишь ли ты нам компанию, аквилонка? Мы угостим тебя хорошим элем, расскажем забавные истории.

Конан прекрасно знал, что Корделия не пьет ничего, дешевле красного асгалунского вина — и никогда в жизни не любила слушать морские рассказы. Тем более, ему было сложно представить красавицу-аквилонку в грязной, темной портовой таверне, в окружении сомнительного сброда.

Зато киммериец прекрасно мог вообразить, как разъярятся моряки, когда получат отказ. Вся их любезность сразу исчезнет — так стихает вдруг попутный ветер, и начинается мертвый штиль. Матросам приходится налегать на весла — неважно, невольники ли они на имперской галере, или свободные люди. Никому не хочется умереть в центре океана.

«Вот так и мне сейчас придется взяться за меч, — пронеслось в голове у Конана. — Хотя и глупо все это».

— Поворачивайтесь, бездельники! — раздался громкий голос с борта триремы. — Забыли, зачем я вас послал? Увидали смазливую мордашку — и все мозги из башки высыпались? Ну-ка марш на портовый склад! Пока не проверите груз, никто по кабакам не пойдет, иначе вздерну на рее прямо здесь, в этом проклятом порту.

Невысокий человек в капитанском мундире стоял у борта и грозно смотрел на своих матросов. Незадачливые мореплаватели забормотали — каждый свое. Кто-то заверял офицера, что они уже идут, другие негромко ругались, но ни один не осмелился ослушаться. Они знали, что слова капитана — не простая угроза, и не раз видели своих товарищей, болтающихся на мачте. Жестокость и страх — вот что поддерживало порядок на борту триремы.

— Еще увидимся, красотка! — крикнул каторжанин, но в голосе его не было уверенности.

Что поделаешь! Портовый город — здесь можно встретить человека, расстаться с ним, а потом никогда не найти друг друга. «Вот и славно, —

пронеслось в голове Конану. — Еще не хватало мне ввязаться в уличную драку».

Киммериец не боялся сражений, но никогда не вынимал меч из ножен, если можно было решить дело миром. А Корделия сама едва не напросилась на неприятности. К счастью, все обошлось.

Не успел Конан подумать об этом, как голос капитана раздался снова:

— Нечасто встретишь в Меланте такую изысканную даму! — воскликнул он, и обращался при этом явно не к киммерийцу. — Не хотите ли подняться на борт, добрая госпожа? Возможно, вы не слыхали, но именно на моем корабле жрецы везли священную статую трехголового грифона. Многие паломники готовы отдать большие деньги, чтобы только войти в трюм, где путешествовал священный идол. Кроме того, в своих странствиях я собрал много прекрасных сувениров, которые буду рад вам показать.

«Рано я начал благодарить Крома, — подумал Конан. — Да и не стал бы суровый бог помогать мне. Сам виноват».

Корделия взглянула на капитана, сузив прекрасные глаза.

Солнечный свет бил девушке прямо в глаза, однако она прищурилась не поэтому. Девушка взвешивала. Сперва ее назвали «смазливой мордашкой», на что явно следовало обидеться. Значит, надо подняться на борт и сломать наглецу обе ноги. Но потом ее стали величать «дамой» и «госпожой». Возможно, стоит простить нахала?

Нехитрая работа мысли, отразившаяся на лице Корделии, не укрылась от внимания Конана. «Женщины, — хмыкнул он. — И о чем они думают?..»

— Простите, капитан, — отвечал он. — Но моя сестра дала обет безбрачия.

Корделия так же походила на его сестру, как пантера на стигийского слона. Офицер был озадачен — он мог признать в Конане телохранителя, любовника, просто случайного спутника девушки — но только не брата. Вообще, братья всегда оказываются некстати, когда собрался показывать красотке сувениры, запершись в капитанской каюте.

Человек смерил киммерийца взглядом и с сожалением признался себе — справиться с северянином вряд ли удастся. Поэтому он только улыбнулся, совсем не весело, и отвечал:

— Что же! На все воля богов.

— Ты понимаешь, что делаешь? — спросил Конан, когда они отошли подальше от триремы. — Эти моряки едва не набросились на тебя прямо у пирса. Или ты хотела развлечься сразу со всей командой?

Корделия надулась.

— Какие ты гадости говоришь, — сказала она. — Эти люди просто были любезны со мной. Конечно, я не стала бы идти с ними в их клоповник. Но это не значит, что…

— Зато к капитану ты уже почти собралась подняться. Можно подумать, у тебя своих сувениров не хватает, в кожаной сумке. И чем бы это закончилось? Он станет к тебе приставать, ты перережешь ему горло, и весь город бросится тебя разыскивать. И к кому ты потом побежишь за помощью?

Конан осекся.

«Кром, — подумал он. — Я действительно веду себя, как ее брат. Ради чего, собственно? Пусть сама расхлебывает кашу, которую заварила».

— Какой ты скучный, Конан, — ответила Корделия. — Капитан — вполне приличный человек. Уверена, у него и в мыслях не было ничего подобного. Он просто хотел поговорить.

— Ты опасна для окружающих, — сказал киммериец. — Мне следовало бы посадить тебя в мешок с бобами, и отправить куда-нибудь подальше — скажем, в Черные Королевства. Может быть, это тебя чему-нибудь научит.

— Просто ты не умеешь общаться с людьми, — возразила девушка. — Чего еще ждать от варвара. Ты всем грубишь. Думаешь только о том, как бы кому голову расшибить. Поэтому и влипаешь вечно.

Другой человек на месте северянина мог возмутиться. Но Конан давно понял, что в таких случаях нет смысла спорить.

— Как знаешь, — отвечал он. — Я отправляюсь на корабль.

С этими словами он развернулся и зашагал вдоль причала. Толстый купец подгонял нерадивых слуг, тащивших тяжелые мешки с пряностями. Носильщики склонялись едва ли не до земли, и Конан в который раз подумал, как тяжело приходится простым людям, пока другие наживаются на их труде. Все это казалось киммерийцу неправильным — в его родной стране такого не было. Но северянин не знал, как изменить жизнь тех, кто давно смирился со своими страданиями.

Внезапно Конану пришла другая мысль. Торговец как раз проходил мимо, и киммериец спросил его:

— Говорят, возле Кордавы совсем не осталось пиратов. Это правда?

Купец окинул его настороженным взглядом. Разные люди встречались в районе порта. Среди них нередко попадались те, с кем лучше не иметь дела — особенно, если у тебя толстый кошелек, толстый живот, а большинство слуг нагружено тяжелыми мешками.

Однако торговец не смог бы преуспеть в своем ремесле, не разбирайся он в людях. Несмотря на то, что многие сочли бы облик киммерийца угрожающим, купец сразу распознал в нем честного человека. Что же до варварского происхождения, барыга давно усвоил нехитрое правило — главное не то, откуда человек родом, а то, насколько он может оказаться тебе полезен.

— В Кордаву я не плавал, — сказал толстяк. — Но возле Аргоса пиратов столько, что страшно себе представить. Слава богам, на этот раз нам удалось ускользнуть.

Он в негодовании сплюнул.

Конан полагал, что есть и более пристойные способы выражать свои чувства, но не стал заострять на этом внимание.

— Как знать! — продолжал купец. — Может, оттого и спокойно возле Кордавы, что все корсары перебрались в Аргос. Не знаю только, что им так там понравилось… Нападают на портовые города, не пропускают ни один корабль. А знаешь, — толстяк сделал вид, будто такая идея осенила его только сейчас, — плыви в Аргос с нами. Мы отправляемся через два дня. Моя команда полностью набрана. Если пираты не нападут, тебе вообще ничего не придется делать. Я заплачу тебе в любом случае — по десять золотых в день.

— Прости, добрый человек, — отвечал Конан, — я и правда плыву в Аргос — но мой корабль отправляется уже сегодня.

— Подумай! — закричал купец ему вслед. — Может, еще согласишься. Разыщи меня вечером! Мое имя Меламед, спроси у портовых рабочих. Два дня, что придется подождать здесь, я тоже тебе оплачу.

«Странные дела творятся на море», — подумал Конан. — «Если скряга-купец готов раскошелиться, значит, и правда опасность грозит серьезная. Видно, многое изменилось в Аргосе, пока я там не был».

II

На мгновение он замешкался — может, и правда принять предложение торговца? Конана не сильно прельщали обещанные золотые, но он хотел побольше узнать о пиратских рейдах. Однако в этот момент произошло нечто, сразу заставившее киммерийца забыть о корсарах.

Далеко позади раздался неясный шум. Ни торговец, ни его слуги ничего не расслышали — главным образом потому, что и не хотели ничего знать. Однако чуткие уши северянина различили и угрожающее рычание, и имя Корделии.

Пару минут назад Конан дал себе слово, что больше не станет вмешиваться в дела прекрасной аквилонки и вытаскивать ее из беды. Но теперь он уже бежал по пристани, на ходу вынимая меч.

Чтобы быть справедливым, надо добавить — точно так же северянин поспешил бы на помощь любому, и другу, и незнакомцу. И толстому купцу, и не в меру галантному капитану, и даже каторжанину, сбежавшему со своей галеры.

Если Корделия притягивала к себе неприятности — то Конан сам искал их, а все потому, что не мог спокойно пройти мимо, когда на его глазах творилась несправедливость.

Он успел вовремя.

Битва еще не началась — но было очевидно, что собеседники вряд ли обменяются дружескими поцелуями и разойдутся, напевая религиозные гимны.

Девушка стояла, развернувшись спиной к шеренге огромных ящиков, и длинный прямой меч поднимался в ее руках. Прямо напротив нее сгорбились три огра — огромные, мохнатые существа, напоминавшие не то человека, не то снежную обезьяну.

Эти твари не отличались особым интеллектом, но грубая сила с лихвой возмещала им недостаток мозгов.

Обычно они служили наемниками в армии — где им хорошо и много платили, за верность и готовность выполнять самые опасные поручения. Никто не знал, то ли огры действительно безумно храбры, то ли маленькие горошины, ссохшиеся в их головах, просто не позволяли им понять всю степень риска.

Время от времени, огры подряжаются в грузчики, поэтому их всегда

можно встретить в портовых городах. Однако те трое, что окружали Корделию, явно пришли сюда не таскать бочонки с вином. В огромных лапах каждый из них держал щит и палицу, ощерившуюся стальными шипами.

— Что происходит? — спросил киммериец. — Только не говори, что ты и им строила глазки.

Аквилонка в бешенстве обернулась.

— Эти недоноски выскочили, как только ты ушел, — ответила девушка.

Корделии было неприятно признаваться, что северянин невольно служил ей охранником, пока они шли вместе. Она привыкла сама заботиться о себе.

— Что вы не поделили? — дружелюбно осведомился Конан. — Эта девушка наступила кому-нибудь из вас на лапу?

Огры медленно повернулись в его сторону. Один из них, самый крупный, давно лишился правого глаза, и это вряд ли улучшило его нрав. Двое других, помоложе, явно привыкли слушаться вожака.

— Издевается, — прорычал один из них. — Слышь, Горк, он над нами подшучивает.

— Да, — подтвердил второй. — Знает же, что мы считать не умеем. Даже складывать и вычитать не можем, не то, что делить или умножать.

— Ты, дружок, иди своей дорогой, — произнес одноглазый.

В качестве веского аргумента он покачал в воздухе своей палицей.

— Зайди себе в кабак, выпей чарку, да устрицами закуси. А нас в покое оставь.

Киммериец понял, что разговаривать с оврами бесполезно. Однако ему с трудом верилось, что три профессиональных наемника просто так напали на девушку в порту. Это могли сделать грабители из города, пираты, приплывшие сюда под видом простых моряков — но мохнатые твари никогда не промышляли разбоем.

Для этого у них не хватало сообразительности.

— Почему они на тебя напали? — спросил Конан.

— Не знаю, — ответила Корделия. — Просто потому, что все огры — сволочи.

Это была блестящая фраза — как раз к месту, чтобы разрядить обстановку.

— Она тоже нас оскорбила, — произнес один из огров-подручных. — Горк, давай ее убьем.

Предводитель посмотрел на Конана с безмерным осуждением. Какое-

то время огры незаметно следовали за Корделией по портовому городу, поджидая благоприятного момента. Когда киммериец отправился своей дорогой — наемникам показалось, что их час настал. Теперь Горку приходилось принять решение, как поступить в новой ситуации. А все огры терпеть не могли думать.

Одноглазый почесал в затылке и произнес:

— Ладно, человек. Давай договоримся. Ты убьешь за нас эту девушку, а мы взамен не станем трогать тебя.

При этом гнилые зубы огра оскалились в такой ухмылке, что даже самый простодушный заподозрил бы его в неискренности.

Первым побуждением Конана было спросить — почему мохнатые великаны вообще решили напасть на Корделию. Однако он сразу понял, что не получит от дуболомов ни одного связного ответа.

— Уходите отсюда, — произнес киммериец. — И никто не пострадает. Помните — вы в порту, а здесь не любят огров.

Северянин не преувеличивал. Строго говоря, он даже преуменьшил — огров не любили нигде.

— Как же это — не пострадает? — искренне удивился Горк. — Нам заплатили как раз за то, чтоб девице голову проломить.

Конан вздохнул. Северянин понял, что мирные переговоры провалились — и вовсе не потому, что он проявил себя плохим дипломатом. Никто не мог остановить огра, который выполнял приказ нанимателя.

Вот почему этим тварям так хорошо платили, несмотря на их скудоумие.

— Справишься сама? — спросил киммериец.

— Еще бы, — с презрением бросила девушка. — А ты и правда можешь пойти поесть устриц.

Одноглазый пристально следил за ее движениями. Но он даже не успел шевельнуться, когда девушка сделала первый выпад. Длинный обоюдоострый меч просвистел в воздухе, и обрушился на щит первого из подручных Горка.

Щиты огров обычно выкованы из стали. Они в два раза толще и во столько же превосходят размерами те, которыми пользуются люди. Самый могучий ратник-человек с трудом поднимает такую тяжесть. Но мохнатые огры орудуют своими щитами так легко, словно те ничего не весят.

Мохнатый наемник поднял лапу, закрываясь от удара девушки. Со стороны казалось — толстая стальная дверь, какие ставят разве что в королевской казне, поднялась между противниками. Но заговоренный меч

прошел сквозь крепкий металл, словно разрезал листок пергамента.

Отрубленные пальцы посыпались на каменные плиты.

— Надо было держать руки при себе, — бросила Корделия.

Огр заревел от боли и отступил. Девушка была готова нанести ему еще один удар, но тут же второй великан занял место товарища.

Горк взмахнул палицей и начал надвигаться на Конана. «Зря я не взял с собой магического клинка», — пронеслось в голове у киммерийца. Он знал, что его верный меч на сможет так же легко справиться со щитом противника.

Однако северянин терпеть не мог волшебство, и не доверял колдовским предметам. Какие бы преимущества они ни давали в битве — Конан, как правило, не соглашался надеть даже простого амулета. Мысль о заговоренном мече исчезла так же быстро, как и появилась.

Зубастый великан поднял палицу, снова взмахнул ею и нацелил прямо в голову Конана. Силы удара хватало, чтобы разнести человеческий череп на кусочки, сровняв его остатки с шеей. Киммериец парировал удар. Стальная дубина остановилась, на морде огра отразилось удивление.

Никто из людишек еще не мог отбить его палицу. Многие пытались. Но за этим следовал только хруст костей, звон выпавшего оружия и предсмертные крики. Этот же незнакомец — подоспевший столь невовремя — владел оружием так, словно сам был огром.

Меч Корделии опустился, быстрый, как молния — но ее противник тоже успел нанести удар. Большие и неуклюжие с виду, огры отличались быстротой и ловкостью. Много умелых воинов погибло лишь потому, что недооценили своих мохнатых врагов.

Заговоренный клинок встретился с шипастой палицей. Волшебная сталь глубоко вошла в дубину — и застряла в ней. Морда наемника оскалилась в торжествующей улыбке. Он взмахнул лапой, и легко вырвал меч из руки Корделии. Девушка выдохнула — она поняла, что осталась безоружной.

От палицы огра тоже было мало проку. Наемник отбросил ее в сторону, вместе с застрявшим клинком. Однако аквилонке не стоило слишком радоваться — одного удара стальным щитом хватило бы, чтобы отправить ее к праотцам.

Девушка оглянулась.

Прямо позади нее поднимались три огромных ящика из ливанского кедра, поставленные один на другой. Все вместе они в полтора раза превышали человеческий рост.

Корделия высоко подпрыгнула, и ухватилась за край верхнего из них.

Удар тяжелого щита прошел мимо. Аквилонка перевернулась в воздухе, и вскочила на импровизированный помост.

— Чур, не заглядывать под юбку, — бросила она.

Одноглазый огр напрягал все силы, чтобы выбить клинок из рук Конана. Но напрасно — шипастая палица монстра словно застыла в воздухе. Наемник не мог поверить, что в обычном человеке кроется такая сила.

Киммерийцу приходилось нелегко. Каждый мускул напрягся, дыхание с трудом вырывалось из груди. Другой на его месте попробовал бы смошенничать — отпустить меч и ударить огра в открытый живот или пах.

Но северянин всегда сражался честно, даже если силы были неравны.

Вот противник пошатнулся, вот сделал шаг назад. Каждый отвоеванный дюйм давался Конану с огромным трудом. Но только такая победа делает человеку честь. Наконец одноглазый отступил снова. Он отвел палицу, клочья пены застыли на губах монстра.

Силы почти оставили киммерийца. Но северянин давно усвоил, усталость — это то, что можно позволить себе только после битвы. Он развернулся, и лезвие его меча глубоко вспороло живот наемника. Огр рухнул. Тяжелый стальной щит накрыл его, словно могильная плита.

Двое помощников одноглазого пытались добраться до Корделии. Их роста почти хватало, чтобы дотянуться до верхнего из ящиков. Один из них подпрыгнул, но его кривые, покрытые шерстью задние лапы не были для этого созданы. К тому же, наемнику мешали щит и палица.

Корделия с силой пнула его сапожком по лбу. Утяжеленный каблук мог служить опасным оружием — и незадачливый огр сразу же это понял. Он отлетел, как подброшенный ногой котенок, и ухватился лапами за мохнатую башку, роняя оружие.

— Выше головы не прыгнешь, — усмехнулась девушка.

Другой наемник успел оправиться от раны. Он вынул изо рта искалеченную руку. Его губы покрывала кровь, смешанная со слюной. Три пальца из шести лежали на каменных плитах. Остальные были подрублены — какой короче, какой длиннее.

Но огр, кажется, совершенно забыл о боли. Отбросив в сторону меч, он ринулся вперед, и ухватился за средний из ящиков. Мощный рывок потряс все сооружение. Корделия покачнулась, и едва не упала. Монстр радостно зарычал, и дернул еще раз.

Только богам известно, что жадные купцы хранили под прочным ливанским кедром. Но, на счастье аквилонки, груз оказался достаточно тяжелым — и огр не сумел выдернуть ящик ни с первой, ни со второй

попытки. Однако было ясно, что третий раз окажется для девушки последним.

Первый наемник, получивший удар в голову, уже стоял рядом со своим товарищем. Уродливую морду заливала кровь. Но щит и палица вновь красовались в огромных лапах — он ждал, пока Корделия упадет вниз, и распластается на камне беззащитной жертвой.

Его напарник напряг все силы. Его тело, и без того сгорбленное, согнулось, как тетива лука. В это же мгновение девушка прыгнула вниз, и обеими ногами приземлилась на спину огра.

В ее руках сверкали два длинных кинжала. Словно молния сверкнула — и стальное перо устремилось к горлу огра. Но как быстро ни летел нож, чудовище оказалось проворнее. Наемник поднял щит, и клинок с жалобным звоном отлетел прочь, бесполезный и беспомощный.

Морда огра исказилась в самодовольной улыбке. Через секунду ее сменили удивление и боль. Он медленно согнулся, так и не выпустив из рук палицу. Второй кинжал пронзил его сердце, войдя в грудь по самую рукоятку. Монстр попытался крикнуть, но захлебнулся от страха и растерянности. Огр медленно сел наземь, будто хотел собраться с силами, и жизнь оставила его.

— Я же сказала — под юбку не заглядывать, — сказала девушка.

Все это произошло так стремительно, что другой огр не успел распрямиться. Он стоял, согнувшись, и все еще сжимал в огромных лапах ливанский ящик.

Аквилонка высоко подпрыгнула, и всем своим весом опустилась на шею несчастного огра. Раздался мокрый, вязкий хруст. Лохматая голова запрокинулась, гнилые зубы оскалились в предсмертной гримасе.

Девушка легко спрыгнула с тела огра, и подошла к Конану. Поединок киммерийца с Горком только что закончился. Северянин оперся на меч, и хмуро оглядывал поле боя.

— Надо уходить, пока не появилась портовая стража, — бросил он.

В других обстоятельствах, Конан обязательно осмотрел бы тела убитых. Это был единственный способ узнать, кто их нанял. Но огры никогда не брали с собой вещей, которые могли выдать их заказчика. Такой обычай сложился уже давно.

Мохнатые воины сражались храбро, но были слишком безрассудны, и многие из них часто погибали. Те, кто прибегал к их услугам, знали — живые огры никому ничего не расскажут. Оставалось позаботиться о том, чтобы так же молчали их мертвые тела.

III

— Не могу взять в толк, откуда у них зуб на меня, — сказала Корделия.

Путешественники быстро шли по причалу. Стоило им выйти из небольшого закутка, где на девушку напали лохматые воины — как шумная толпа сразу же обступила со всех сторон.

Конан знал, что расслабляться рано. Находясь среди людей, он не чувствовал себя в безопасности. Любой незнакомец мог внезапно ударить в спину, вогнать нож под ребра — и раствориться в людском море, более обширном, чем зеленый океан у горизонта.

И северянин, и девушка понимали — огры никогда не нападают без причины. Киммерийцу не терпелось остаться со своей спутницей наедине и вытрясти из нее всю правду. Но он догадывался — это бесполезно. Аквилонка успела нажить столько врагов, что и сама не подозревала, кто на сей раз взял ее на прицел.

Киммериец приметил своего недавнего знакомого, купца — тот следил за погрузкой, и недовольно покачивал головой вслед каждому тюку.

Конан остановился и придержал Корделию.

— Мне это не нравится, — сказал он. Девушка хихикнула.

— Хочешь сказать, что тебе когда-то нравились толстые мужики? — спросила она.

— Не время для глупых шуток. Скажи, на каком корабле мы плывем?

Корделия недовольно взглянула на собеседника.

— Тебя что, огр по голове ударил? Это «Лаида», вот она, перед тобой. Я тебе три раза говорила название, а ты все повторял, что и так запомнишь. И вот — все же забыл.

Конан недовольно отмахнулся,

— Именно так называется корабль, который стоит перед нами, — сказал он.

— Хотя бы читать ты не разучился, — бросила Корделия. — И потом — почему ты так долго возился с тем огром? Дал бы ему ногой по яйцам, и всего делов.

Киммериец нахмурился. Он никогда не прибегал к таким подлым приемам, считал их недостойными настоящего воина. Северянин охотно растолковал бы это своей спутнице, но сейчас его занимало другое.

— Видишь купца, который руководит погрузкой? — спросил он.

— Да, — отвечала девушка. — Его зовут Меламед, он из Шема. Однажды нанял меня охранять своего сына.

— И что? — спросил Конан, не отводя глаз от торговца.

— Потом выгнал, скотина этакая. Кто ж знал, что его пострел должен был оставаться девственником и попасть в монастырь Стильпиона.

— Он все еще жив, хотя не заплатил тебе? — удивился киммериец.

Девушка фыркнула.

— Узнав, что мне дали расчет, сынок дал мне в два раза больше. Видно, сам не сильно стремился на постриг. А чем тебя заинтересовал толстяк?

Киммериец задумался.

— Только что он сказал мне, что отплывает через два дня. Даже обещал денег, если я пойду к нему в телохранители. «Лаида» отходит сегодня, и ее капитан не станет ждать у причала даже ради богатого торговца. Мне надо выяснить, в чем дело.

— А, это ты, добрый человек! — приветствовал его купец. — Передумал? Мое предложение еще остается в силе. Корабль отходит вечером, так что поспеши.

— Вы же сказали — два дня, — произнес Конан, стараясь не выдать голосом своей заинтересованности.

Лицо торговца потемнело. Он оглянулся, затем понизил голос.

— Неспокойно стало в порту, очень неспокойно. Говорят, нашли трех огров, изрубленных в куски. Ты же знаешь, что местные носильщики почти все состоят из этих великанов. Говорят, надо ждать волнений.

— Отчего это? — удивился Конан.

— А как же, — купец заговорил еще тише. — Местным не понравится, что кто-то убил их братьев. Еще работать откажутся. Или того хуже — на людей бросаться начнут. Вот я и подумал, что не стоит мне терять времени.

Он досадливо подтолкнул одного из слуг, словно это могло ускорить погрузку, и вновь погрузился в тревожные мысли.

* * *

— Тридцать золотых на нос, — сообщила Корделия. — Меламед, конечно же, сердится на меня из-за того случая, однако выбирать ему не

приходится.

Они стояли у борта корабля, и наблюдали за тем, как грузчики доставляют на борт последние ящики и тюки. Спускался вечер.

— Как тебе не стыдно, — проворчал Конан. — Торговец предложил это не тебе, а мне. Я никогда не согласился бы взять у него деньги. Если на корабль нападут пираты — с ними должны сражаться все, кто может держать в руках оружие. Оплата здесь ни при чем.

— Как хочешь, — девушка хмыкнула. — Возьму себе твою долю.

Если она думала, что это как-то затронет киммерийца, то ошибалась. Северянин думал о другом.

— Купец солгал, — произнес он, и кратко пересказал девушке свой разговор с торговцем. — Где ты видела, чтобы портовые огры бунтовали из-за гибели наемников?

— Это вздор, — согласилась девушка. — Лохмачам все равно, сколько их братьев перережут. Думают только о деньгах. Помню, однажды на меня напали шестеро, и один маг. Я убила троих и их нанимателя. Что бы ты думал? Остальные прекратили сражаться, как ни в чем не бывало. Да еще начали спрашивать, нет ли у меня работы для них.

— Да, ограм чувство локтя незнакомо, — кивнул Конан. — Наверное, это и к лучшему — и для них, и для окружающих. Только не возьму в толк, зачем купец мне солгал.

Он помолчал немного.

— Когда мы с ним разговаривали в первый раз, он уже точно знал, куда направляется. А про убитых огров услышал в последний момент — и не нашел более подходящей отговорки, когда я поймал его на лжи. Я бы понял, обмани купец другого торговца. В этом ремесле обхитрить товарища — значит потуже набить карман самому. Но лгать простому прохожему?

— Толстячина сделал это по привычке, — пояснила Корделия с таким знанием дела, что не приходилось сомневаться — уж она сама постоянно этим занимается. — Если человек лжет всем подряд, то просто не может остановиться. Неважно, принесет это ему выгоду или нет. Вот так и со мной у него вышло. Умолчал, что хочет сына отправить в монастырь — а почему? Сам потом не мог объяснить. Слишком привык осторожничать, а это до добра не доводит.

— Может, ты и права, — согласился Конан, но в его душе оставались сомнения.

Небо над их головами темнело; нежные голубые краски уступали место мягким оттенкам багрянца. Конан не переставал удивляться, как

плавно в этот закатный час лазоревый цвет переходит в красный у берегов Шема. У него на родине небо темнело иначе.

Он помнил, как шел по заснеженной пустыне, а синева над головой становилась все гуще, с каждой минутой темнела, пока не превращалась в черную бездну, усеянную холодными звездами. Подумал он и о том, какое ощущал одиночество перед лицом бескрайних белых просторов под ногами и бездонной мглы в вышине.

Потом это чувство прошло, и киммериец сам не смог бы ответить — то ли он стал старше, то ли поддерживает его мысль о том, что в каждом городе, в каждой сторожевой крепости ждут верные друзья. А если и нет — наверняка найдутся и с незнакомцами общие приятели, боевые товарищи, или места, где приходилось сражаться вместе, но ни разу еще не встретиться.

Неторопливые размышления Конана прервала Корделия. Девушка не любила думать и хранить молчание, если есть с кем поговорить. Компания друзей имеет и обратную сторону, успел подумать киммериец, когда аквилонка отрывисто произнесла:

— А пойду-ка я спрошу у купца сама. Северянин неодобрительно нахмурился.

— Если он не захотел рассказать — стоит ли его принуждать? Или, может быть, тебе мало неприятностей на сегодня?

Но девушка уже не слушала его. Люди вообще становятся глухи, когда говоришь им добрые советы, с некоторой горечью подумал Конан. Корделия же решительно направилась прямо к торговцу.

Купец стоял возле широкого трапа, по которому поднимались носильщики.

Были среди них и шемиты, и огры, и даже несколько людей-ящериц, невесть как затесавшихся в портовый город. Ни один из них не собирался ни бунтовать, ни даже отказываться от работы — да и не удивительно, ведь никто не может заставить человека работать на пристани, кроме голода и нужды.

Торговец следил за тем, как поднимают на борт его добро. А поскольку сам он никак не мог вмешаться в этот процесс, ускорить его или хоть чем-то помочь — то тем сильнее волновался и больше суеты поднимал. Он размахивал руками, словно перед ним собрался в круг большой асгалунский оркестр, и исполняли они сложную симфонию — вроде тех, что всегда наводили на Конана сон и недоумение, как можно слушать подобную дребедень.

Корделия подошла к купцу сзади, неслышно, словно не ступала по

корабельным доскам, а летела на крыльях. Потом взяла за ухо и резко вывернула его. Торговец заверещал и стал еще сильнее размахивать руками, словно тоже собирался взлететь — и лишь рука аквилонки удерживала его на палубе корабля.

Носильщики, проходя мимо, смотрели на купца и только посмеивались. Ни один не собирался приходить на помощь толстяку. Во-первых, руки у всех были заняты, а во-вторых, никто им за добрые дела не платил.

Корделия наклонилась к торговцу — а ей пришлось это сделать, ибо он был на две головы ниже — и проговорила:

— Кое-кто здесь нанял меня его охранять.

Купец подпрыгнул от неожиданности — словно не думал, будто схвативший его за ухо враг умеет разговаривать.

Затем попытался бежать, да забыл, что пальцы девушки по-прежнему крепко сжимают ему мочку, и только заверещал от боли.

— А потом, — неторопливо продолжала Корделия, словно сидели они друг перед другом в высоких креслах и пили изысканное вино. — Этот кто-то начал мне лгать и изворачиваться, как в прошлый раз. Ты помнишь, как нехорошо тогда получилось, мой пирожок со свининой?

То ли купец не расслышал нелестного сравнения — и не мудрено, если вспомнить, в какую переделку попало его ухо — то ли было ему не до достоинства, но он никак на «пирожок» не ответил, а только забормотал виновато:

— А что ж тут объяснять, добрая госпожа. Ежели пираты нападут, будете жизнь мне спасать, с приятелем своим. Да отпусти же наконец мое ухо, девка шальная. Видно, жалели в детстве на тебя розог, да зря.

Слово «зря» как раз подходит к подобным словам, если тебя держат за ухо, а ты не можешь освободиться. Корделия хмыкнула и поволокла торговца через всю палубу, к Конану.

— Отпусти его, — негромко приказал киммериец. — В конце концов, он прав — ты очень плохо воспитана.

— Еще не хватало, чтобы варвар меня учил, — бросила аквилонка, но подчинилась.

Торговец осторожно поднес пальцы к уху, словно боялся, что оно вот-вот отвалится и шлепнется ему в ладонь.

— Ничего я от вас не скрыл, — произнес он жалобным голосом.

— Лжешь, приятель, — ответила Корделия. — Сделаем вот как. Конан у нас слишком добрый. Скажу ему, что вон там, на пристани, трое моряков напали на жреца. Он побежит спасать бедолагу, а мы тут поговорим, по-

свойски. Как старые знакомые.

— Чумы на тебя нет, — сплюнул купец. — Все мои беды из-за твоей несносности. Сынка-то своего, единственного, доверил этой стервозе, — оборотился он к Конану. — А она что?

— Уверен, ничего, чего бы тот сам не хотел, — отвечал киммериец.

Купец взглянул на северянина, словно на самого последнего предателя. Конан столько раз клялся, что не станет разбирать чужие ссоры, но вновь нарушил свое обещание.

— Надеюсь, с твоим сыном ничего страшного не случилось? — спросил он.

— Да как же, — всплеснул руками купец. — Тоже торговать, поскребыш, начал. У меня всему научился. А теперь куда ни глянь, мне разорение. Заказчиков отбивает, поставщиков переманивает. Эх! Жил бы он сейчас в монастыре, бед не знал, головой об пол при молитве бился.

Торговец замолчал, глубоко сожалея об упущенной возможности, и о загубленной жизни в целом.

«Впервые Корделия сделала доброе дело, раз спасла парня от заточения в келье», — подумал Конан, а вслух произнес:

— Так ты что-то собирался нам рассказать, добрый купец?

Торгаш, в лице которого не осталось не только ничего доброго, но и мало человеческого, скривился еще больше.

— Тайна это великая, — вздохнул он. — Триста талантов за нее заплатил.

Слово «заплатил» застряло у него в горле, когда он посмотрел на Корделию. Прекрасно помнил, барыга, что в свое время обманул девушку с деньгами. Мысль об этом заставила его поскорее продолжать, оставив позади скользкую тему:

— Но ничего! Корабль вот-вот отчалит. Большой беды не случится, если я вам все расскажу. Слышали, небось, о Сапфировом острове? Маленькое такое королевство, мы там остановку сделаем, прямо перед Аргосом.

— Знаю, — кивнула Корделия. — Когда-то служила у местного владыки.

Конан знал, что девушка много времени провела в этих краях, и потому не удивился, что она оказалась знакома и с купцом Меламедом, и с правителем острова.

— На этом корабле, — продолжал торговец, — плывет сам принц. Свита у него маленькая, одет как простолюдин — на всякий случай. Мало ли кто захочет с королевичем расправиться. Никто об этом не знает, кроме

капитана и его помощников.

— И одного из них ты подкупил? — подсказал киммериец.

— Было дело, — торговец слегка смутился. Или просто сделал вид — вряд ли в его возрасте он еще умел стыдиться по-настоящему. — Пока корабль в порту, никто об этом не знает. Но стоит нам выйти в открытое море, как на мачте поднимут флаг Сапфирового острова.

— И ты, значит, захотел под флагом потанцевать? — недоверчиво спросила Корделия.

— Я же говорю — девка тупая, — пожаловался купец Конану, — Не понимает ничего. Да когда пираты знамя енто увидят, то и не подумают нападать. Хвост подожмут, да наутек. Короля все ой как уважают. Армия у него сильная.

Купец с важным видом кивнул головой. Однако Конан не разделял его уверенности.

— Или, — заметил он, — увидав флаг, они еще сильнее захотят напасть на корабль. Решат отомстить правителю. А если прознают, что на борту принц — то и подавно. Более ценного заложника им не найти.

Лицо торговца побледнело так быстро, что северянин испугался — как бы купец не отдал небесам душу. Трясущимися руками толстяк схватил Конана за рубашку.

— Думаете, это возможно? — запричитал он так громко, что один из огров от неожиданности выпустил из рук бочку, и та, подпрыгивая, покатилась по палубе. — Значит, все аргосские пираты станут нас поджидать?

Северянин не знал, что утешительного ответить купцу — но даже если бы нужные слова и пришли на ум киммерийцу, толстяк верещал так быстро, что все равно не удалось бы его перебить.

— Горе мне, горе, — говорил торговец.

Он ринулся за утешением к Конану, но в расстроенных чувствах промахнулся, и обхватил обеими руками Корделию. Лицо девушки вспыхнуло от негодования, а купец тем временем продолжал, обливая слезами ее полуобнаженные груди:

— Добра на целых три тысячи талантов. Шелка из Заморы. Камни драгоценные из Черных Королевств. Шемское вино. А пряности — пряности одни чего стоят…

Аквилонка отпустила ему звонкую пощечину, но торговец даже не заметил этого, и только откатился обратно к Конану — точь-в-точь бочка, которую уронил носильщик.

Киммериец взял его за плечи и встряхнул — не сильно, а только так,

чтобы привести в чувство. Потом произнес:

— Позаботься лучше о своих товарах. А то слуги зазеваются, да побросают их в море.

Купец бросил на Корделию перепуганный взгляд. Как и все люди, он не знал, чего бояться сильнее — большой опасности, которая может нагрянуть в будущем, или малой, что уже на пороге.

Длиннохвостый человек-ящер, под которым трап прогибался, словно вот-вот треснет, помог купцу принять решение. Торговец обреченно взмахнул рукой, будто отдавал приказ о начале казни — и ни чьей-нибудь, а своей собственной — и поспешил к сходням.

— Ну кто ж так несет мешок, голова твоя дубовая! — кричал он на ходу. — Обеими, обеими руками хватай. Да поворачивайся, хвостом себе помогай, а не махай им. Не парус, чай. Вот существа, прости господи! Даровали им хвост — так и тем пользоваться не умеют.

Так причитал купец, размахивая руками — но все, чего он мог добиться, так это помешать носильщикам, путаясь под йогами и загораживая дорогу.

— Этот паренек не похож на принца, — заметила Корделия.

Конан проследил за ее взглядом.

Молодой человек, лет двадцати трех, стоял у борта, на другой стороне палубы. Конан и его спутница любовались вечерним городом. Взгляд юноши был устремлен в море — туда, где далеко за горизонтом раскинулся его родной остров.

— Сними с правителя дорогие одежды, лиши его власти, свиты — и он станет обычным человеком, — заметил киммериец. — К тому же, как я слышал, принц острова провел много лет, изучая науки у мудрецов Шема. Он привык чувствовать себя учеником, а не королевичем. Поэтому даже поведением похож на простолюдина.

— Вижу, ты не очень любишь правителей, — усмехнулась девушка.

— Я видел многих, — отвечал Конан. — И почти никто из них не заслуживал тех почестей, которые оказывали им люди. Недаром короли хвастают, будто им благоволят сами боги. Такая помощь им очень нужна — ведь сам народ, как правило, не в восторге от своих владык.

Два молчаливых стражника-шемита стояли по обе стороны от юноши. Издалека даже сложно было сказать — то ли они охраняют своего господина, то ли стерегут опасного пленника. Сам принц не думал ни о своем будущем царствовании, ни о том, как встретит его народ. Он просто возвращался домой.

IV

— Ночь прошла спокойно, слава богам!

Купец Меламед стоял возле мачты и довольно улыбался. Потом он развел руки в стороны и вдохнул так глубоко, что Конан подумал — как бы толстяк не всосал в себя весь воздух на несколько миль вокруг.

Веселые облачка бежали по голубому небу, словно приглашая людей присоединиться к своему празднику. Однако киммериец был опытным моряком и знал — точно так же радуются дети лазури, когда видят под собой тонущий корабль, или берег, залитый кровью и усеянный мертвыми телами.

Ясный, солнечный день не придавал Конану бодрости — а дождь и ненастье не приводили в уныние. Киммериец привык к тому, что его настроение зависит не от погоды, посланной богами, а лишь от той, что царит в собственной душе.

— Поганый день, — сообщила Корделия, присоединяясь к ним. — Все видно на сотни миль вокруг. Если поблизости пройдет пиратский корабль — корсары обязательно нас заметят.

Купец Меламед поперхнулся.

— Великие боги! — воскликнул он. — Значит, аргосские пираты нападают днем, а не ночью?

— Только днем, — отвечала Корделия. — Я хорошо знаю их привычки. У берега слишком много мысов и отмелей, а пиратские капитаны не такие уж хорошие мореплаватели, чтобы помнить все наизусть.

На груди девушки висела подзорная труба, украшенная изображениями морских тварей. Волшебные линзы, сделанные из крыльев гигантской болотной стрекозы, позволяли рассмотреть даже чешую на брюхе дракона, пролети тот в вышине.

— К тому же, корсары слишком часто меняют места охоты, чтобы как следует изучить хотя бы одно из них, — продолжала девушка. — Поэтому предпочитают орудовать засветло. Конечно, сейчас мы в открытом море. Но привычка есть привычка.

— Жалкий глупец, — прошептал Меламед. — Значит, я напрасно провел ночь без сна, читая молитвы? Получается, я мог как следует выспаться?

«Тогда утром ты стал бы докучать нам с удвоенной силой», — подумал

Конан, и поспешил перевести разговор на другую тему:

— А что, раньше ты не плавал в Аргос?

— Отчего же, — отвечал купец. — Было время, когда я каждый месяц посещал Сапфировый остров. Но времена изменились. Вы слышали, что шемские жрецы велели забрать идол из прибрежного храма? Теперь статуя трехголового грифона стоит в Эруке, и тысячи верующих стекаются туда со всего материка.

— Да, — согласилась Корделия. — Еще вчера у меня была возможность полюбоваться кораблем, на котором везли святыню. Такой шанс выпадает не каждый день. Но кое-кто, — тут она неодобрительно посмотрела на Конана, — не дал мне даже одним глазком глянуть.

Конан отмахнулся.

— Этот капитан обманул тебя. Все знают, что шемиты никогда не доверили бы статую своего бога чужестранцу. Их храмы очень богаты, у них хватает собственных грузовых судов.

— Сущая правда, — подтвердил купец. — Сколько раз пытался наладить с ними торговлю — все не удается. Предпочитают вести дела сами, несчастные скряги.

— Лучше объясни, — попросил киммериец. — Какое отношение трехголовый бог имеет к плаванию в Аргос?

— Видно, ты давно не был в наших краях, — отвечал Меламед. — Смотри.

Он подошел к одному из тюков, что лежал на палубе, и сильно ударил по нему кулаком. Маленькое облачко муки, поднявшись сквозь недостаточно плотную ткань, взмыло в воздух и опустилось на доски палубы.

— Вот почему удача сопутствует мне, — самодовольно заметил купец. — Тот, кому принадлежит этот груз — а слава богам, это не я — пожадничал на хорошее место в трюме, да на прочные мешки. Что, спрошу я вас, станет с мукой, если пойдет дождь?

Он опустился на колени — довольно легко и быстро для человека его комплекции. По всей видимости, торговец и вправду привык много молиться.

— Люди думают, что выгадают большие деньги, если положатся на удачу. Чаще всего им везет, и они становятся более беспечными. Но в один прекрасный день — раз! — и такой хитрец лишается всего своего товара. К счастью, у меня хватает разума не искушать судьбу. А теперь смотрите.

Он провел пальцем по белому пятну, набрасывая нехитрую карту.

— Вот Аргос, — пояснил он. — Отсюда отплыли мы. Раньше все

корабли, покидавшие этот порт, направлялись на север, — купец нарисовал точку на побережье.

— Там, где находится священный город шемитов? — спросила девушка.

— Правильно. Одни капитаны везли туда паломников, другие — богатые товары. Без дела никто не оставался. Но теперь, когда трехглавый грифон в Эруке, торговые маршруты изменились. Большинство судов плывет прямо в Аргос. Лишь изредка — как сейчас — корабль заходит в воды Сапфирового острова.

Торговец внезапно замолчал. Он ухватил себя за жидкую бороденку и начал ее поглаживать.

— А ведь это значит, — произнес купец почти нараспев, — что уже долгое время никто не ведет с королевством регулярной торговли. У меня полные трюмы товара. Возможно, удастся продать их там…

Лицо купца покраснело от волнения. Он направился прочь, полностью позабыв о своих собеседниках.

— Думаю, я даже смогу поднять цену… Вдвое… Нет, втрое!

Он хлопнул себя по лбу.

— Несчастный дурак. Надо было накупить гораздо больше товаров. Палуба такая широкая, а астрологи не предвещали ни дождей, ни шторма. Я мог заполнить здесь все зерном, пряностями, шелками… И почему же я не подумал об этом раньше!

— Кажется, он только что ругал тех, кто оставляет товар на палубе, — заметила Корделия.

— Мнение человека меняется быстрее, чем ветер, — произнес Конан. — Только сами люди это редко замечают.

— А здесь бы я положил свертки бархата… — продолжал купец.

Толстяк осекся. На палубу выходил принц Сапфирового острова, и два шемитских телохранителя следовали за ним. Торговец повернулся было, желая подойти к нему, но не решился. Засунув большой палец в рот, он принялся энергично грызть ноготь, бросая неуверенный взгляд на Конана.

— Сейчас подползет и попросит проводить его к принцу, — предупредила Корделия. — Не решается заговорить с королевичем в одиночку.

Киммериец посмотрел на то, что ускользнуло от внимания и самого торговца, и девушки, и даже королевича. В этот момент по палубе как раз проходил человек в офицерском мундире. Золотой якорь, на правой стороне груди, выдавал в нем помощника капитана.

— Шемитский флаг, — негромко заметил Конан, указывая вверх.

— Да, черт возьми, — моряк явно торопился, и не собирался терять время на болтовню с варваром. — Мы вышли из шемитского порта.

Не останавливаясь, он поспешил дальше. Киммериец спросил, обращаясь к его спине.

— А разве вы не собирались менять флаг, как только мы выйдем в море?

На сей раз помощник капитана остановился.

— Проклятье. Никто не должен был об этом узнать. Но…

Он тоже поднял голову и наконец понял, о чем спрашивает северянин. Несколько крепких ругательств сорвалось с его губ.

— Видите вон того толстяка? — спросил офицер, указывая на торговца. — Захотел плыть с нами в последний момент. Поднял столько шума, чтобы ему отвели лучшую каюту.

«И наверняка много заплатил каждому из вас», — подумал Конан.

— Из-за его товаров мы вышли из порта на полтора часа позже. Потрудиться пришлось немало. Стоит ли удивляться, что все позабыли про этот чертов флаг.

Лицо помощника презрительно сморщилось.

— Невелика беда! Маленький королевич с маленького острова, о котором никто никогда и не слышал. Конечно, правитель разъярится, когда узнает — но пусть подавится своим гневом.

Офицер бросил недовольный взгляд на принца, словно именно тот был виноват в случившемся.

— Все равно к его берегам мало кто причаливает. Большой крюк приходится делать, да и пиратов там в недавнее время развелось. Пусть скажет спасибо, раз наш капитан вообще согласился к ним плыть. Ладно, варвар. Спасибо, что обратил мое внимание на флаг. Не знаю, откуда тебе известно про принца, и не хочу знать. Пойду к капитану.

— Как бы не было поздно, — негромко произнес Конан.

Моряк не слышал его слов, а киммериец не стал его останавливать. Он смотрел на черную точку, появившуюся на горизонте. Северянин не носил с собой волшебной трубы, как Корделия, но острые глаза и так смогли различить очертания корабля.

— Нам очень повезет, если это не пираты, — пробормотал он. — А ни одной причины для везения я придумать не могу.

С этими словами он направился к аквилонке.

— О чем говорил с помощником капитана? — осведомилась девушка.

— Так, пустяки. Лучше посмотри вон туда. Киммериец указал в ту сторону, где увидел незнакомый корабль. Корделия проследила за его

взглядом и поднесла к глазам волшебную трубу.

— Это пираты, — отрывисто произнесла аквилонка. — И мне кажется, они разворачиваются в нашу сторону.

Конан посмотрел вдаль.

— Странно, не правда ли? — спросил он. — Обычно морские разбойники не теряют времени, когда видят купеческое судно. А этих словно что-то удерживает на месте.

Девушка передала ему трубу.

— Они чего-то ждут, — пробормотала аквилонка.

— Ни один пират не знает этого слова, — возразил Конан. — Их лучший союзник — скорость. Нет ничего лучше против тяжелого транспортника. Если только…

Киммериец стремительно поднял голову.

Шемитский флаг исчез; над ними торжественно поднималось знамя Сапфирового острова. В это же мгновение будто кто-то отпустил невидимую веревку.

Пиратский корабль на всех парусах полетел вперед, навстречу торговому судну.

V

Пронзительный, резкий свисток пронесся над морем. То был сигнал тревоги. Несколько моряков пробежали мимо Конана. Внизу, по трапу, застучали тяжелые шаги. Двое аргосских жрецов спешили покинуть палубу, чтобы укрыться в своих каютах.

— Что это? — воскликнул купец Меламед, подбегая к северянину.

При этом торговец так путался в длинном одеянии, что едва не растянулся между мешками с мукой.

— То, чего ты так боялся, — отвечал киммериец. — Думаю, тебе самое время укрыться в трюме.

— Выбери самые дешевые товары, — посоветовала Корделия. — И спрячься в них. Пираты будут брать самое ценное.

— Хорошо, хорошо, — воскликнул купец. — Я зароюсь в кушитский изюм.

С этими словами он побежал прочь, отпихивая в сторону обоих жрецов.

— Думаешь, он действительно залезет в мешок с изюмом? — спросила Корделия.

Девушка не отрывала взгляд от пиратского корабля — но это не мешало ей краешком глаза следить за тем, что происходит на палубе.

— Не удивлюсь, если он даже ухитрится завязать узел изнутри, — ответил Копан. — Только это мало поможет бедняге, если корсары потопят судно. Что скажешь?

— Легкий и быстрый, — бросила Корделия. — Мародер. Такой не берет ни рабов, ни заложников, ни тяжелого груза. Только самое ценное.

— Странно, — заметил Конан. — Если нападаешь на купцов, надо позаботиться и о товарах. А нашим корсарам придется выбросить все — и шелка, и пряности, и зерно. Почти вся добыча окажется на дне моря. Бессмысленное нападение.

— Нет, — усмехнулась Корделия. — Если их цель — захватить в плен одного человека. Принца.

Глаза Конана превратились в холодные льдинки. Он понимал, что намерения пиратов далеко не так очевидны, как кажется его спутнице. Но в этот момент к ним подошел помощник капитана, и киммериец предпочел промолчать.

Северянин не знал, стоит ли доверять офицеру. Возможно, именно он продал секрет принца купцу Меламеду — и как знать, отчего тогда не предложить эту тайну еще и аргосским пиратам.

— Вы заплатили хорошие деньги, чтобы попасть на этот корабль, — сказал офицер. — И можете укрыться в каютах, как и все другие путешественники. Но…

Конан прервал его.

— Не нужно, — ответил он. — Я останусь на палубе. Сколько у вас орудий?

— Только два. Они расположены на носу. Мы можем установить по дюжине пушек на каждый борт. Но это значит сократить объем трюмов. Богач, которому принадлежит судно, никогда не согласится.

— Ну что же, — произнес Конан. — Два лучше, чем ничего.

Про себя он подумал, что два — это и есть ничего. Однако не имело смысла говорить подобное вслух. Киммериец сомневался, будто команда светится от боевого духа, и все же не стоило подрывать его.

— Где же твоя подружка? — спросил офицер. — Мне показалось, она тоже наемница. Или соглашается сражаться только за деньги?

— Она мне не подружка, — отвечал Конан, мысленно улыбнувшись при одной такой мысли. — А я не наемник. Лучше подумайте о том, что собирается делать принц.

Молодой человек не спешил прятаться в каюте, подобно другим. Он стоял в центре палубы, и двое шемитов помогали ему надеть тяжелый боевой доспех.

«Как нелепо, — подумал Конан. — Юноша должен знать, что его жизнь принадлежит не ему, а королевству. Нельзя бросаться в первую же драку только потому, что представился случай. Один удар меча, один арбалетный болт — и кто унаследует трон правителя?»

Сходные мысли, похоже, охватили и помощника капитана. Не потому, что он заботился о благе Сапфирового острова. Но местный король хорошо заплатил владельцу судна, и вряд ли будет рад, если сына доставят ему по кускам. Пусть даже ни один обрубок в дороге не потеряется.

Офицер поспешил к принцу, и начал что-то втолковывать.

— Не поможешь ему? — спросила Корделия. Девушка появилась на палубе так же бесшумно, как и исчезла.

— Только не я, — покачал головой киммериец. — Помню себя в возрасте принца. Тогда никто не мог отговорить меня от хорошей схватки, тем более, во благое дело.

— В детстве ты учился в школе гладиаторов, — ответила Корделия. —

А этот красавчик изучал науки и философию в Шеме.

— Вряд ли вся мудрость мира поможет ему в этом сражении, — согласился Конан. — Но своего решения он не изменит.

Северянин оказался прав. Помощник капитана, энергично жестикулируя, пытался что-то объяснить юноше — очевидно, призывая к осторожности. Потом сдался, опустил голову и пошел прочь. В глазах королевича блеснуло торжество — он чувствовал, что одержал первую победу. «Как бы она не оказалась последней», — подумал Конан.

— На борту только две пушки, — сообщил он. — Насколько я могу судить, стреляют они недалеко. Корсары оснащены гораздо лучше.

— Тогда, — ответила Корделия, — нам надо уравнять шансы.

Девушка подняла арбалет, за которым спускалась в свою каюту.

— Эта игрушка сделана из ствола дерева-людоеда, — сказала она. — Болт летит дальше, чем ядро из любой корабельной пушки.

Аквилонка подняла оружие и прицелилась.

— Еще пара минут, — сказала она. — И кто-то на том корабле сильно удивится.

Конан осмотрелся. Он понимал, что два или три арбалетных болта не решат сражения. Команда торгового судна была готова сражаться до последнего — но что они могли сделать против хорошо вооруженных и опытных в бою пиратов?

С кормы подходили трое шемитов. Каждый из них нес длинное копье на черном древке. Не такой помощи искал киммериец — он знал, что в предстоящем бою эти трое не смогут спасти корабль, и только зря погибнут вместе с остальными защитниками судна.

Умереть в бою, или уцепиться за слабую надежду, что тебя возьмут в рабство, а там удастся бежать — вот что оставалось мореплавателям.

— Подсчитываешь шансы? — спросила Корделия, вкладывая первый болт.

— Здесь нечего считать, — отозвался Конан. — Если корсары знают свое дело, нам остается лишь зарыться поглубже в изюм, вместе с нашим приятелем-торговцем.

— Принц так не считает, — сказала аквилонка.

Оглушительный свист, служивший знаком тревоги, смолк. Его сменил размеренный барабанный бой.

Члены команды занимали свои места. Капитан и его помощники ходили от одного поста к другому. Они напутствовали товарищей, и расставляли тех пассажиров, что согласились участвовать в сражении.

Королевич Сапфирового острова был первым из них. Он встал у борта,

полагая, наверное, будто это наиболее опасное место из всех. Юноша не знал, что, когда абордажные крючья вопьются в бока судна, безопасных мест на нем просто не останется.

Два стражника-шемита по-прежнему стояли справа и слева от него. Они знали, что наверняка погибнут в бою, и уже смирились с этой мыслью. Странный контраст представляли лица опытных ратников, которые в душе уже готовились перейти на Серые равнины мертвых — и их принца, молодое, веселое, полное жизни и воодушевления.

В этот момент Конан понял, что у него есть только один шанс. Когда начнется бой, он уже не сможет спасти людей. Ни отчаянная храбрость, ни самая умелая тактика не остановят натиска пиратов. Если киммериец хотел помочь своим спутникам — он должен был заставить корсаров отступить прямо сейчас.

— Скольких человек ты успеешь снять, прежде чем они откроют огонь? — спросил киммериец.

Девушка взглянула на арбалет.

— Двоих. Он долго перезаряжается. Потом они сделают бортовой залп.

Два пирата! Остальные корсары даже не заметят смерти товарищей. Нет, если северянин решил остановить вражеский корабль, ему нужно было что-то помощнее.

— Ты говорила, что у тебя есть волшебные болты? — спросил он.

— Да. Но они не годятся для боя на море.

Девушка показала на мешочек, в котором хранила снаряды. Некоторые из них были помечены разными цветами.

— Этот — отравляющий. Действует на лошадей и верблюдов. Зажигательный. Конечно, корабль корсаров деревянный — но они покрывают борта специальным составом, и поджечь их нельзя. А если стрелять в мачту, огонь скоро собьет ветер. Этот взрывной. Хорош против осадных машин. Борт корабля, опять-таки, не пробьет. Просто отскочит, и рванет в воде — слишком далеко, чтобы повредить обшивку.

— Столько оружия, — пробормотал Конан. — И все бесполезно.

Киммериец мог бы спросить — отчего маги и жрецы не создали болтов, которые годились для боя на море. Но ответ был прост: пока одни чародеи создавали средства разрушения, другие работали над защитой. И в области мореплавания последние пока брали верх.

— Вот и вы, — к ним подошел помощник капитана. — Встаньте вон там, возле мачты. Думаю, пираты станут прорываться именно туда.

«Вовсе нет», — подумал Конан. — «Корсары не станут никуда рваться.

Они просто заполнят корабль, как муравьи, и остановить их сможет только воля богов. А богам явно до нас нет дела».

— Арбалет, — офицер увидел оружие в руках девушки. — Помню, когда я был юнгой, магические стрелы не раз выручали нас. Но с тех пор все изменилось. Борта покрывают особым составом, который…

Киммериец поморщился.

— Знаю, — ответил он. — Нельзя остановить корабль арбалетом. С тем же успехом можно грозить дракону булавкой. Если только…

Конан задумался.

Внезапная мысль пронзила его, и уже не оставалось времени, чтобы оценить — возможно ли воплотить ее в жизнь. Впрочем, киммериец никогда не терял времени па досужие мысли.

Он взял арбалет из рук Корделии, потом вынул из колчана стрелу с красным наконечником.

— Ты теряешь зря время, варвар, — сказал офицер. — Лучше займи свой пост, у мачты. Пираты вот-вот приблизятся — мы должны быть готовы.

— Корсары покрыли волшебным слоем борта, — пробормотал киммериец. — Но не палубу.

— Это ничего не значит, — с досадой воскликнул офицер. — Они сразу же собьют пламя. Лучше не теряй времени!

— Не мешай ему стрелять, — велела Корделия.

Девушка не знала, что именно задумал киммериец. Северянин сам не был уверен в успехе. Но аквилонка понимала — любая, даже самая безумная попытка лучше, чем простое ожидание.

Арбалетный болт просвистел в воздухе. Он воткнулся в верхнюю часть главной мачты. В другое время, офицер подивился бы меткости киммерийца. Но сейчас ему было не до похвал.

— Тупой наемник, — пробормотал помощник капитана. — С таким отрядом мне проще самому перерезать себе горло.

Конан не слушал его. Он перезаряжал оружие.

Алые языки охватили мачту, и перекинулись на широкий парус. Будь это обычный огонь — сильный ветер сбил бы его за пару мгновений. Волшебное пламя держалось дольше, но и оно скоро потухнет.

— Сейчас огонь охватит весь парус, по краям, — бросила Корделия. — Будет полыхать, как адские врата. А затем исчезнет, даже не повредив как следует такелаж.

— Много шума из ничего? — улыбнулся Конан. — Мы это исправим.

Он выпустил второй болт. На сей раз киммериец целился в основание

мачты. Волшебный огонь уже успел растечься по белоснежному парусу. Корсары не обращали на него внимания — знали, что пламя не причинит им особого вреда.

Они ошибались.

Раздался взрыв — такой громкий, что его услышали даже Конан с Корделией. Главная мачта начала крениться, словно подрубленное дерево. В первый момент пираты не поняли, что происходит. Потом с криками начали разбегаться в стороны.

Парус хлопнул, словно крылья гигантской летучей мыши. Самый опасный момент — северянин не знал, потухнет ли от падения пламя. Но волшебный огонь не подвел. Алые щупальца коснулись деревянной палубы и охватили ее.

Рокочущая волна прокатилась по пиратскому кораблю. Корсары пытались бороться с пожаром, но напрасно. Они могли с легкостью сбить пламя, зажженное несколькими стрелами. Но победить огненный ливень, обрушившийся с небес, было им не по силам.

Оглушительный грохот пронесся над морем. В первое мгновение Конану показалось, что пираты все же успели дать первый бортовой залп. Но потом он понял — в трюме взорвался порох.

Люди на пиратском корабле метались от борта к борту. Охваченные растерянностью и испугом, они не знали, как спасти судно. Внезапно посреди них появилась новая фигура. Невысокий человек в капитанском мундире. Конан взял его на прицел, но остановился.

Он узнал того самого офицера, что в порту приглашал Корделию подняться на борт. В то же мгновение пиратский корабль развернулся и начал уходить прочь.

— Прекрасный выстрел, — воскликнула девушка. — Теперь сними капитана.

Конан опустил оружие.

Два залпа грянули одновременно. Торговое судно стреляло из обоих орудий. Первое ядро, подняв столб воды, упало в нескольких десятках футов от пиратского корабля. Второе попало в борт мародера. Доски обшивки полетели в разные стороны, чтобы тоже стать пищей жадного огня.

— Почему ты не стреляешь? — спросила Корделия. — Еще не поздно убить их предводителя. Сделай это.

Киммериец покачал головой.

— Умрет он — и его место займет другой. А я хочу накрыть всю шайку. Довольно уже они разбойничали у берегов Аргоса.

— Не понимаю.

— Я узнал его, — бросил Конан. — Мы видели его на той триреме. Теперь корабль другой, но команда наверняка та же. Этот мерзавец привык сходить на берег, словно честный капитан. Значит, в местных портах нашего приятеля хорошо знают. Его будет несложно найти.

— Да? — озадаченно спросила Корделия. Девушка поднесла к глазам подзорную трубу.

— А я не успела его рассмотреть. Черт, они уже слишком далеко.

Радостный крик поднялся над палубой. Мало кто понял, что произошло на борту пиратского судна. Но все видели — опасность миновала. Аргосские жрецы, выбравшись из каюты, благодарили своих богов, уверенные, что это молния, низвергнувшаяся с неба, подожгла вражеский корабль.

— Ты только что спас принца Сапфирового острова, — сказала Корделия, хлопая Конана по плечу. — Молодец.

— Не будь в этом так уверена, — задумчиво отвечал киммериец, возвращая ей оружие.

— Что ты хочешь сказать? — спросила девушка.

Трое копьеносцев-шемитов, которых северянин заметил несколько минут назад, теперь подошли к нему. Перебивая друг друга, они поздравляли Конана с удачным выстрелом, и благодарили за спасение судна. Корделия поняла, что не получит ответа — по крайней мере, сейчас.

Пиратское судно уходило к далекому горизонту. Вместо белоснежного паруса, теперь над ним поднимался столб черного дыма. Офицер транспортника, готовивший команду к отражению атаки, теперь стоял возле своего капитана, украдкой показывая на киммерийца. Аргосские жрецы пели все громче.

Шум, крики, оживленные возгласы людей — все это проходило мимо северянина, существовало в каком-то другом мире. Конан смотрел вслед уходящему кораблю пиратов — и чем дальше был мародер, тем сильнее становились опасения киммерийца. Он твердо решил не делиться ими с Корделией, пока не выяснит все наверняка. Ему предстояло посетить Сапфировый остров.

VI

— Видела, как смотрел на меня королевич? — спросил Конан.

Торговое судно плавно разрезало морские волны. Далеко впереди уже можно было различить очертания маленького клочка суши.

— Он не подошел тебя поблагодарить, — сказала Корделия. — Хотя прекрасно видел, что именно ты поджег пиратский корабль. Наверное, ты был прав. Несмотря на внешность, в душе принц остался напыщенным индюком.

Словно в подтверждение ее слов, на палубу вышел королевич. Стражники следовали за ним, будто с хозяином их соединяла невидимая нить. Юноша важно прошествовал рядом с Конаном, но не удостоил его даже взгляда.

Киммериец улыбнулся.

— Принц молод, — произнес он. — Юноше не терпелось отличиться в первом бою. Не его вина, что он не понимал всей опасности. В молодости все мы не умнее огров…

Аквилонка фыркнула.

«Уж она-то глубоко уверена, что с детства отличалась мудростью, проницательностью — и тысячью других достоинств, которых на самом деле у нее нет», — подумал Конан.

— В острове нет ничего сапфирового, — заметила Корделия, рассматривая берег в подзорную трубу. — Скорее, он зеленый. Из-за растений.

— Может, так его назвали из-за воды? — предположил Конан.

На самом деле, киммерийца мало интересовали подобные темы. Но еще в детстве он усвоил, что настоящий воин должен уметь думать и сражаться одновременно. Это умение позволяло ему теперь поддерживать разговор, почти не вдумываясь в смысл произносимых фраз.

— Тогда почему его не назвали Остров в Сапфировом Море?

— Так слишком длинно и недостаточно красиво… Королевству нужно звучное название — особенно такому маленькому. Кому есть дело, как выглядят его берега на самом деле.

— Мне, — не задумываясь, ответила аквилонка.

— Боюсь, ты одна такая…

Человек, следивший за их разговором — если бы таковой нашелся —

никогда не поверил бы, что мысли Конана заняты совершенно другим. Киммериец смотрел на боевые корабли, выстроившиеся у главной пристани.

— Сколько стоит содержание одного такого красавца? — спросил он.

Корделия не заметила, как ее собеседник быстро перескочил с одной темы на другую.

— Двенадцать тысяч талантов в год, — отвечала она. — Если держать его в порту Аргоса.

— А на маленьком островке, который почти не ведет торговли, еще дороже… Видно, правитель обложил свой народ большими налогами. Как считаешь?

— Не знаю.

Девушка повернулась и оперлась о борт спиной, положив на него локти.

— Когда я служила у местного короля, флот был не таким большим. В основном, они полагались на ополчение.

— Все меняется, — отвечал Копан, однако перед ним тут же предстал живой пример обратного. Купец Меламед спешил к ним через всю палубу, такой же взволнованный и суетливый, как всегда.

— Вот и вы, мои дорогие друзья, — произнес он. — Как я рад снова увидеть вас.

Фраза была довольно нелепой, поскольку расставались спутники только на ночь. Однако после встречи с пиратами торговец, видать, дрожал всю дорогу и каждый новый день принимал, как подарок богов.

«Наверное, так и нужно относиться к жизни, — подумал Конан. — А вот волноваться и вечно потирать руки вовсе не обязательно».

Корделия не ответила на приветствие, а только посмотрела на Меламеда так, что бедняга чуть было не ушел по макушку в корабельные доски — как гвоздь после сильного удара.

— Вот они, вот ваши деньги, — поспешно сказал купец, протягивая им два небольших кошелька. — Можете пересчитать, хе-хе-хе.

Аквилонка протянула один из мешочков Конану, но тот лишь покачал головой. Он не собирался брать плату за то, что считал своим долгом — как и сказал вначале. Девушка пожала плечами и спрятала деньги за пояс.

— Вот о чем я хотел поговорить с вами, — продолжал Меламед. — Как я уже сказал, хочу сойти здесь, на Сапфировом острове. Поторговать с местными купцами.

Он бросил взгляд на Корделию.

— Мне бы пригодился человек, который все здесь знает.

Девушка отмахнулась.

— Не собираюсь оставаться в этой богами забытой дыре. И потом — пиратов можешь не бояться. Смотри, какая армия у правителя.

— Наш друг имеет в виду не это, — пояснил киммериец. — Он хочет знать, кому из местных чиновников надо дать взятки, и сколько, чтобы выгоднее продать свой товар.

Меламед притворился обиженным.

— Я честный торговец, — сказал он, гордо подняв голову.

От этого движения мелко-мелко затряслись все три его подбородка.

— А что, здесь и правда можно кого-нибудь подкупить? — тут же спросил торговец, позабыв о своей честности.

— Такие люди везде есть, — Корделия потянулась.

Тема ее явно не увлекала.

— Но я не была здесь уже довольно долго. Наверняка все люди уже новые.

— Это не так, — поспешно возразил Меламед. — Я говорил с шемитскими телохранителями. Они говорят, за это время сменился только военный советник.

— Вот как? — спросил Конан. — Это интересно… Если торговец и собирался спросить, чем именно, то уже не успел это сделать. Корабль медленно входил в гавань. Две батареи пушек, стоявшие на скалах справа и слева, выстрелили, салютуя принцу. Они охраняли небольшой залив так же надежно, как шемитские телохранители — королевича.

Боевые корабли выстроились в два ряда у пристани, и теперь торговое судно шло между ними.

Это была почетная встреча — но у киммерийца возникло, неприятное ощущение, что все орудия направлены прямо на них.

Сама пристань была богато украшена. Огромные цветы, которых не найдешь нигде больше, кроме маленьких островов недалеко от Аргоса. Яркие флаги. Но больше всего здесь собралось оружия — и солдат. В начищенных до блеска доспехах, обнажив клинки, встречали они своего будущего короля.

— Армии маленьких государств всегда похожи на игрушечные, — заметил Конан. — Посмотри — у каждого из полков свой цвет, знаки отличия, даже перья на шлемах у офицеров.

— Раз они не могут похвастаться количеством — что им еще остается? — сказала девушка.

Купец Меламед тоже переводил взгляд с одного солдата на другого, прикидывая про себя, что за ткани и каких цветов требуются для местной

армии.

Большой оркестр играл военный марш в правой части пристани.

— Даже музыку здесь играют солдаты, — бросил Конан. — Можно подумать, остров находится в состоянии войны.

— Наверное, все дело в новом советнике, — предположила Корделия. — Прежний был хорошим бойцом. Честный служака, до гроба верный королю. Он не стал бы тратить столько денег на украшения и лишние корабли.

При одном упоминании о том, что местные министры с готовностью расстаются со своим золотом, купец Меламед едва не лопнул от нетерпения.

Торговое судно почти приблизилось к берегу. Принц стоял у борта, и на лице его Конан поймал легкую тень растерянности. Молодой человек волновался при мысли, что снова окажется дома — после стольких лет.

А торжественная встреча, подумалось Конану, вовсе не успокоила юношу. Скорее, наоборот — напомнила об ответственности, какую придется отныне нести принцу.

Оркестр заиграл громче. Полки расступились, и вперед выехал седой человек на великолепном коне. У киммерийца мелькнула мысль, что король острова выглядит совсем не так внушительно, как хотел бы. И молодой, норовистый конь — купленный за большие деньги у заводчиков Турана — только подчеркивал старость царя, безвольные черты лица и неуверенный взгляд.

Видели это все, и даже купец Меламед побормотал нечто вроде: «Как бы не упал с жеребца, старый хрыч». Однако ни у кого из королевского окружения не нашлось смелости сказать королю правду. И Конан подумал — юному принцу вряд ли будет хорошо житься в окружении подобных людей.

Правитель остановился и поднял руку. Оркестр смолк. Отряды, окружавшие пристань, сделали несколько шагов назад — четко и слаженно. Теперь за их спинами можно было увидеть жителей острова. Одетые в праздничные костюмы, украшенные цветочными венками, люди радовались и приветственно махали руками.

Корделия усмехнулась.

— А ты говорил, что простой народ недолюбливает своих владык, — сказала она.

— Местный правитель создал себе имя, сражаясь с пиратами, — отвечал киммериец.

Для принца опустили трап, оркестр заиграл с новой силой.

— Надеюсь, ты никого не убила на этом острове, — бросил Конан. — И тебя не разыскивают здешние стражники.

Корделия фыркнула.

— Самое скучное из королевств, где я побывала. В основном, тут живут крестьяне. Богатая почва, хороший климат — у них есть все, что нужно для спокойной и донельзя пресной жизни. Я сбежала отсюда, как только смогла.

— Похоже, военный советник сделал то же самое…

Король смотрел на своего сына сверху вниз. Солдат подвел второго коня. Принц замешкался — было видно, что он не решается сесть верхом. Но двое телохранителей не дали ему даже подумать. Один взял скакуна под уздцы, другой подсадил хозяина — и принц оказался в седле, почти помимо своей воли.

Правитель вновь поднял руку, приветствуя людей. Затем развернул коня, и направился в сторону города. Принц следовал за ним.

— Какая трогательная сцена, — заметил Конан. — Воссоединение отца с сыном. Я чуть не расплакался.

— Даже руки не подал принцу, — сказала Корделия. — Не говоря уже о том, чтобы обняться. Думаешь, эта строгость напускная?

— Скоро мы об этом узнаем, — бросил киммериец. — Держу пари на два кошелька с золотом, которые дал тебе наш друг-купец, что король пригласит нас погостить у него.

Аквилонка дотронулась до его лба.

— На солнышке перегрелся? Ты, конечно, спас его сына. Может, тебе за это даже медаль дадут. Но пригласить во дворец — прости, такое тебе не светит.

— Посмотрим, — улыбнулся Конан. Торжественная церемония кончилась; почти все отряды уже покинули пристань. Киммериец догадывался, что парад пройдет по центральной улице города, до самого королевского дворца.

Теперь могли сойти и простые люди. Путешественники спешили ступить на твердую землю. Почти никто не собирался оставаться на острове — но корабль должен был простоять в порту около суток, и это время люди хотели провести на суше. Им казалось, что так безопаснее — однако Конан знал, что если царит мир, но кругом солдаты, смерть так же близка, как и на поле боя.

Капитан проталкивался сквозь толпу, собравшуюся у трапа. Увидев Конана, он приветливо помахал ладонью. Потом понял, что точно такой же жест делал и король, смутился, и даже спрятал руку за спину — словно ее

могли тут же отрубить за неуважение к правителю.

— Вот вы где! — воскликнул офицер.

— Странно было бы, окажись мы где-нибудь еще, — любезно отвечал Конан.

Капитан словно споткнулся, не ожидав такого ответа от варвара. Затем продолжал, так же воодушевленно:

— Его Величество приглашает вас троих погостить в его дворце. Вы можете жить там, пока наш корабль стоит в порту — а если захотите, то и гораздо дольше.

Офицер замешкался. Судя по всему, такое радушие короля казалось ему странным. Поэтому он не знал, чем закончить речь. Самого капитана явно никуда не приглашали. Наверное, единственное, что вертится у него на языке — «радуйся, варвар неотесаный, понаехало вас, иностранцев чертовых», — с усмешкой подумал Конан.

— Король пригласил меня? — переспросил Меламед. — Великие боги! А впрочем, ничего удивительного. Слава обо мне идет по всему побережью. Наверняка правитель хочет скупить все мои товары.

Брызжа от счастья, как фонтан на храмовой площади, купец подхватил под руку капитана, и увлек его за собой.

— Я хочу, чтобы мои товары были готовы к разгрузке, — говорил он. — По первому моему слову. Но не надо разводить суеты.

Торговец бросил подозрительный взгляд через плечо.

— Не нужно, чтобы местные чиновники подумали, будто я так спешу заключить сделку. Нет, господа! У меня много выгодных предложений. Я могу выбирать.

— Толстячок на седьмом небе от счастья, — буркнула Корделия.

Сама она явно не веселилась.

— Да и ты сегодня разбогател. Девушка вынула оба кошелька с золотом.

— Как ты узнал, что король нас пригласит? Это же просто нелепо.

— Вот именно, — кивнул Конан. — Поэтому у правителя и не было другого выбора. Оставь деньги себе. Для меня достаточно знать, что я оказался прав.

VII

Конан лежал под высоким балдахином, и пение ночных цикад доносилось из большого окна. На стенах висели гобелены с изображением кораблей, драконов и морских чудовищ. Меж ними, в дорогих рамах, красовались изданные королем законы, произнесенные им речи — в точности скопированные придворными писцами с оригиналов. Широкий ковер устилал пол, мягкий, словно полевые цветы.

Киммериец не привык к таким роскошным покоям. В юности он даже не знал, как можно уснуть на подобной кровати — и наверняка устроился бы на полу.

Но время научило северянина приспосабливаться к любым условиям, и теперь он наслаждался роскошной обстановкой с такой же легкостью, с какой мог обходиться и без нее.

Король прислал за своими гостями три паланкина, и слуги несли их до самого входа во дворец. Впрочем, киммериец отказался от такой чести, и предпочел идти пешком. Но Корделия не могла упустить случая покрасоваться, а купец Меламед, скорее всего, и не осилил бы столь длинной дороги.

Каждому из них отвели богатые покои и принесли красиво сервированный ужин. Сам правитель пока что не принял их, а все настойчивые — если не сказать назойливые — намеки Меламеда так и остались незамеченными. Впрочем, ничего удивительного в этом не было — король хотел провести вечер с сыном.

Мысли Конана текли спокойно и неторопливо, он почти погрузился в сон, как вдруг дверь резко отворилась, и на пороге появилась Корделия.

— Святые небеса, — пробормотала девушка. — Кто бы мне сказал, что я ночью, тайком, прокрадусь к тебе в спальню — оторвала бы башку. Но мне приходится спасаться бегством.

— Наш купец? — сочувственно спросил Конан, приподнимаясь на локте.

— Угадал…

Корделия опустилась в кресло и тяжело выдохнула.

— Думала, он меня задушит. Притащился ночью — вот как я к тебе. Решила сперва, что толстячок вздумал за мной приударить. Как же! Принялся расспрашивать о короле — его привычках, обычаях на острове,

министрах… Можно я переночую здесь? Уверена, Меламед будет до утра ждать, пока я вернусь.

— Уступлю тебе постель, — сказал Конан. Нет, все-таки придется сегодня спать на полу.

— Ну что ты, не надо, — отвечала Корделия, быстро забираясь под одеяло. — А тебе точно будет удобно?

— Конечно, — отвечал киммериец. — Я привык.

Девушка не заметила сарказма в его словах — а может, просто не думала, что варвар способен на такой ответ. Северянин вынул из ножен меч и положил его рядом с собой. Аквилонка нахмурилась.

— Дворец охраняют лучше королевские отряды, — сказала она. — Чего ты боишься?

— Это не страх, — отвечал Конан. — А предусмотрительность. Нигде не бывает так темно, как под светильником.

— А при чем тут… — начала девушка, но внезапно оглушительный крик нарушил тишину покоев.

Через мгновение Конан был уже на ногах. Он выскочил в коридор, ожидая увидеть там хотя бы одного из дворцовых стражников. Но просторное помещение было пусто. Вопль раздавался из покоев, отведенных Корделии, и северянин бросился туда.

Он распахнул дверь, и увидел перед собой двух огров. Купец Меламед, съежившись, сжался на полу. Он и правда собирался дождаться девушку — но нашел себе совсем другую компанию.

— Отвечай, где она, — прорычал огр, и хватил кулаком по деревянному столику.

Тот разлетелся на мелкие кусочки.

— Я же говорю, вышла совсем ненадолго, — простонал торговец. — Обещала вернуться. Зачем мне вас обманывать.

— А вот и кричать тоже было незачем, — оскалился огр. — Не бойся, человек. Мы тебе верим. Подождем здесь твою зазнобу. Но сначала кишки тебе выпустим.

Купец рассудил, что, по всей видимости, это будет не очень выгодная для него сделка. Поэтому стал ввинчиваться в пол, словно и правда надеялся прорыть туннель и спастись через него. Конан часто замечал, что в минуту опасности люди ведут себя не совсем разумно, но никогда не переставал этому удивляться.

— Может, я вам помогу? — негромко осведомился он.

Первый огр обернулся и подозрительно посмотрел на киммерийца.

— Ты нам не нужен, человек, — рыкнул он. — Мы ищем девушку. Ага!

Брызги слюны вылетели из его рта. Он шагнул к выходу. Корделия остановилась рядом с Конаном, ее грудь высоко вздымалась.

— Здесь полная комната твоих поклонников, — заметил киммериец. — С кого из них ты начнешь?

— Помогите! — заверещал Меламед.

Он ринулся вперед, к спасительной двери. Купец боялся подняться на ноги, поэтому семенил на четвереньках. Впрочем, это не спасло бедолагу. Второй огр взмахнул лапой и ухватил торговца за шиворот.

— Пусть девушка подойдет к нам, — приказал он. — Тогда я отпущу вашего приятеля.

— Зачем? — удивился Конан. — Я его даже не знаю.

Глаза купца расширились так, что на его лице почти не осталось места для носа.

— Как это не знаешь, ишак проклятый, — закричал он. — Не я ли заплатил тебе толстенный кошель золотых монет?

Назвать так маленький мешочек — который Конан, к тому же, не принял — мог только купец, привыкший смотреть на мир сквозь подзорную трубу жадности.

Огры недоуменно переглянулись. По всей видимости, им было хорошо известно, что трое путешественников прибыли во дворец вместе. Тогда зачем варвар лжет?

Этого минутного замешательства хватило Конану, чтобы оказаться между наемниками. Он ухватил обоих монстров за головы и резко стукнул одну об другую. Удивленное выражение так и осталось на мохнатых мордах, когда громилы попадали на пол.

— Ученые мужи называют это «столкновением мнений», — заметил Конан. — Вставай, купец. Не стоит протирать пол бархатным плащом — здесь достаточно слуг для уборки.

Торговец поднялся на ноги — при этом так сильно оперся на руку киммерийца, что наверняка бы сломал, окажись та менее крепкой.

Первый огр попытался подняться, но Корделия резко вогнала меч ему в шею. Кровь забурлила во рту монстра, длинные когти вонзились в мягкий ковер.

Его товарищ дернулся, клыкастый рот распахнулся…

Девушка пнула чудовище ногой в морду. Удар сапожка пришелся на нижнюю челюсть, и та отломалась с громким треском. Тело огра пронзила судорога.

Корделия нанесла еще один удар. Наемник забился, как пойманная бабочка, потом затих.

Корделия сорвала со стены богато расписанный гобелен, и принялась вытирать об него свой меч.

Конан отвернулся. Он никогда не бил лежачих — но понимал, что у девушки не было другого выбора. Огры всегда доводят до конца порученное им дело, и есть только один способ остановить их — сталью.

— Ладно, — произнес Конан, оглядывая залитые кровью покои. — Все это начинает надоедать.

Не обращая внимания на Меламеда, который дрожал от страха и все не хотел отпустить руку киммерийца, северянин подошел к небольшому столику с письменными принадлежностями, поставленному у окна.

— Мне хотелось сперва во всем разобраться, — заметил Конам, пододвигая к себе лист пергамента. — Но наши друзья слишком торопятся. Поэтому приходится действовать наугад. Заранее прошу прощения, если сделаю что-то не так и нас за это казнят…

Он опустил стальное перо в чернильницу, и начал быстро что-то писать. Конан обращался с этим крохотным предметом так же ловко, как и с двуручным мечом. Многие варвары не умели даже читать и писать; но киммериец не стал бы лучшим вором Шадизара, не овладей он искусством клинописи и иероглифов.

Закончив письмо, киммериец просмотрел его и кивнул, видимо, оставшись доволен. Затем растопил немного красного воска, лежавшего тут же, в особом футляре, и запечатал послание.

— Теперь нам нужен гонец, — пробормотал киммериец; — Корделия, найди кого-нибудь из дворцовой стражи.

— Уверена, всех отослали подальше, — сказала девушка, отбрасывая испорченный гобелен. — Иначе бы их разбудили крики толстяка.

— Если бы гвардейцы прибежали сюда сами, я не просил бы тебя их найти… И принеси что-нибудь выпить нашему другу-купцу. Хорошая бутылка вина ему сейчас не помешает.

Торговец тяжело опустился на подушки и сжал руки на груди — то ли молился, то ли хотел убедиться в том, что его сердце по-прежнему бьется. Корделия фыркнула и вышла. Конан стоял у окна, глядя в сад.

Вскоре девушка вернулась, буквально таща за собой юного лейтенанта.

— Я вообще не должен быть здесь, госпожа Корделия, — бормотал тот. — Мне поручили охранять подвал, что под нами.

— В котором нет ничего, кроме старого хлама, — отрезала девушка. — Кто спас твоего брата, когда ему собирались отрубить правую руку?

— Вы, госпожа. Я не припомню случая, чтобы кто-нибудь еще

осмелился возражать нашему королю…

— Тогда иди за мной.

Увидев тела огров, распростершиеся на полу в лужах крови, гвардеец замер.

— Что здесь произошло? — спросил он.

— То, чего твои люди не должны были даже заметить, — отвечал Конан. — Кто командует лейб-гвардией?

— Капитан Феррион.

Киммериец задумался. Настал час проверить — не ошибся ли он, полагая, что везде сможет найти друзей.

— Не он ли возглавлял Тиаранскую крепость, во время бунта гаргулий?

— Да, господин.

— Отлично.

Конан не знал командира, но был хорошо знаком с несколькими бойцами, служившими под его началом. Значит, удастся найти общий язык.

Северянин вновь обернулся к Корделии.

— Я видел главный порт. Есть поблизости место, где может незаметно пристать корабль — недалеко от столицы?

По лицу лейтенанта стало ясно, он знает такую гавань. Но гвардеец не посмел подать голос, раз спрашивали не его.

— Конечно, — сказала Корделия. — В часе езды от города. В мое время ею почти не пользовались.

— А сейчас? — спросил Конан.

— Тоже, — отвечал лейтенант.

— Скачи туда, — сказал киммериец. — Как можно быстрее. Увидишь там корабль и постовых. Скажешь, что от короля — но будь начеку. Отдай им пакет, и сразу же возвращайся.

— От нашего повелителя?

В голосе гвардейца прозвучала неуверенность. Он очень уважал Корделию, как своего прежнего командира — но в первую очередь хранил верность королю.

— Ты узнаешь этот знак? — спросил киммериец. Лейтенант поднес письмо к свету, и облегченно вздохнул.

— Герб Его Величества. Личная печать. Я отправляюсь немедленно.

— Будь осторожен, — предупредил Конан. — Эти люди очень опасны. Но письмо послужит тебе пропуском.

Гвардеец отдал честь Корделии — словно та по-прежнему оставалась его офицером — и выбежал прочь.

— Ты уверена, что он справится? — спросил Конан. — Я посылаю его прямо в стаю акул.

— Он был лучшим из новобранцев, которыми я командовала. Прошло несколько лет — а он уже лейтенант и охраняет дворец. Это о многом говорит.

— Да, — согласился Конан. — Феррион умеет разбираться в людях. По крайней мере, так о нем говорят. Мне надо перемолвиться с ним парой слов — где его найти?

Купец Меламед даже не прислушивался к разговору. Казалось, он вообще не замечает никого вокруг. Корделия откупорила бутылку вина, что принесла с собой, и протянула торговцу. Тот припал к горлышку.

Конан помог своему новому товарищу встать и повел за собой. Он не собирался оставлять Меламеда здесь, где повсюду могли прятаться огры.

— Остается надеяться, что Феррион на самом деле таков, как мне о нем рассказывали, — пробормотал Конан.

— А если нет? — спросила девушка.

— Что же — тогда нас всех убьют.

— Где ты раздобыл королевскую печать? — шепотом спросила Корделия.

— Ночью, на корабле, я заглянул в гости к принцу. Все уже спали, поэтому мне оставалось просто сделать слепок. Был шанс, что у королевича одна печать, а у отца — другая. Но капитан судна заверил меня в обратном.

Феррион вышел им навстречу. Ратник был уже одет в полный доспех, ладонь лежала на рукояти меча.

— Я доложил Его Величеству о том, что произошло. Король примет вас через несколько минут.

Начальник дворцовой стражи испытующе посмотрел на Конана.

— Мы никогда не встречались, но мои люди не раз хорошо о тебе отзывались. Помни — только поэтому я поверил твоему рассказу и согласился разбудить правителя.

— А король не придет в ярость оттого, что мы нарушили его сон? — спросила Корделия.

Феррион с достоинством отвечал:

— Наш владыка поклялся своей жизнью, что покончит с пиратами, которые нападают на остров. Он нанял меня, чтобы я возглавил его флот и обеспечил охрану дворца. Если у вас есть новости о корсарах — правитель захочет услышать их немедленно.

Он словно не закончил фразы. Но Конан прекрасно понимал, что

хотел сказать ратник.

«А если я ошибаюсь, нам всем отрубят головы», — пронеслась мысль.

Широкие двери распахнулись. Четверо гвардейцев стояли по обе стороны от входа. Король, тоже одетый в боевой доспех, стоял в центре тронного зала, сложив руки на груди.

Ночная тьма, лишь чуть-чуть разбавленная светом масляных ламп, скрывала старческие черты. Теперь перед киммерийцем стоял гордый и властный король. Принц стоял в отдалении, немного смущенный и растерянный. Он не понимал, что происходит.

— Ты разбудил меня, Феррион, и сказал, будто наш гость знает что-то о корсарах? — грозно спросил правитель.

— Да, — отвечал Конан, не дав ратнику произнести ни слова. — Мне известно, кто главарь, и где их можно найти.

Король кивнул. Он подошел к высокому трону и опустился на него. «Нам явно не предложат присесть», — подумал Конан, и продолжал:

— Угодно ли Вашему Величеству выслушать все сейчас?

Корделия недоуменно посмотрела на киммерийца. Еще никогда северянин не проявлял такой почтительности к владыкам — ни земным, ни небесным.

Но Конан вел свою игру.

Побеждает не тот, кто сильнее, знал он. Будь так, киммериец давным-давно бы погиб. Победа достается тому, кто сражается за правое дело, и умеет обратить мощь врага против него самого.

— Я простой варвар, и мысли у меня нехитрые, — сказал Конан.

Ему даже не приходилось притворяться глуповатым. Он видел — король сочтет тупицей и самого мудрого из философов.

— Вы наверняка помните Корделию, которая служила у вас.

Правитель кивнул.

— И вот я подумал — как интересно. Она долго жила в этих краях. Знает вас, ваших министров, купца Меламеда. Значит, вполне возможно, встречалась и с главарем пиратов — только сама об этом не знает.

Конан заметил неподалеку кресло и без приглашения опустился на него. Это была проверка. Если король возмутится и прикажет наглому варвару встать — значит, догадки киммерийца построены на песке. Но правитель смолчал, даже не заметив дерзости гостя.

— Когда в море мы встретились с пиратским кораблем, все встало на свои места. Я узнал капитана — видел его в порту, под личиной честного моряка. Корделия тоже смотрела на него — но вот какое дело, солнце било ей прямо в глаза, и она не смогла разглядеть лицо пирата.

Конан простодушно развел руками.

— Все тайны объяснились довольно просто. Девушка не узнала своего собеседника, но тот ее вспомнил. Испугался разоблачения и нанял трех огров-убийц. Потом повторил свою попытку здесь.

— Кто же он? — в нетерпении воскликнул король.

Корделия нахмурилась. С какой это стати правителю стало интересно, что за негодяй верховодит пиратами? Для правителя все преступники на одно лицо. Тогда откуда такое любопытство?

— Ваш прежний советник, — ответил Конан.

— Не может быть… — Король приподнялся с трона. — Прости, варвар, мне сложно в это поверить.

Киммериец кивнул.

— Я догадывался, что так и произойдет. Поэтому и пригласил главаря корсаров сюда… А вот, кажется, и он.

По коридору раздались торопливые шаги. Невысокий человек вошел в тронную залу, сжимая в руках письмо. Лишь в последний момент он увидел гвардейцев, Ферриона и других посторонних. Незнакомец замер, его пальцы сжались, сминая пергамент.

— Это и правда он! — воскликнула Корделия. — Как я могла не узнать тебя в порту, гнусная скотина.

— Просто ты думала только о комплиментах, — пробормотал Конан.

Начальник дворцовой стражи обнажил меч. Гвардейцы обступили пирата. Лицо его побелело, глаза растерянно бегали из стороны в сторону.

— Предатель! — загремел король. — Как ты мог пасть столь низко? Напасть на меня, твоего повелителя? Убивать людей, которых когда-то защищал?

Зубы морского волка крепко сжались. Он не произнес ни слова.

— Хорошая попытка, — согласился Конан. Он встал и подошел к Ферриону.

— Вы ошибаетесь. Наш гость никого не предавал. Корделия говорила, что прежний советник был верен правителю до гроба — так оно и есть. И доказательством тому — пергамент в его руках.

— Нет! — закричал пират.

Теперь настал черед короля застыть в нерешительности. Феррион вырвал из рук корсара пергамент, и застыл, увидев гербовую печать.

— Я сам написал это письмо, — пояснил киммериец. — Подделать почерк короля оказалось несложно. Здесь повсюду висят копии его речей и законов. Мне захотелось, чтобы сообщники встретились лицом к лицу — в последний раз.

— Сообщники? — переспросил Феррион.

— Глупый варвар! — закричал король. — Ты сам не ведаешь, что говоришь. Немедленно уведите его в темницу.

Но начальник дворцовой стражи не шелохнулся. Он внимательно читал подложное письмо.

— Ты пришел сюда по приказу правителя? — воскликнул ратник, хватая пирата за отвороты камзола. — Что это значит?

— Всему виной трехголовый идол, — сказал Конан, вновь удобно устраиваясь в кресле.

Он не собирался торчать на ногах дольше, чем было необходимо.

— Когда жрецы перевезли священного грифона в Эрук, это стало концом для Сапфирового острова. Торговые пути изменились, и купцы больше не приплывали сюда.

— Пусть он замолчит! — властно приказал король. — Феррион. Арестуйте этого варвара и пирата.

— Не спешите, ваше величество, — спокойно отвечал ратник. — Вы наняли меня покончить с корсарами — и я этим занимаюсь. Продолжай, Конан.

Северянин подумал, что не зря его товарищи так хорошо отзывались о Феррионе. Он был готов выполнять свой долг, даже несмотря на гнев правителя.

— Если нет купеческих кораблей — то нет и пиратов, — продолжал Конан. — Никто больше не нападал на берега острова. Богатый край, созданный для земледелия. Раньше крестьяне охотно платили налоги, шли в ополчение — они знали, что только так избавятся от морских разбойников. Но корсаров больше нет — а значит, и король им больше не нужен.

— Что ты такое говоришь? — воскликнул правитель. — Я владыка по праву.

— Если люди не подчиняются тебе — ты никто. А власть твоя держалась лишь на одном. На борьбе с пиратами. И когда корсары ушли, тебе пришлось придумать их.

Король отшатнулся. Вдруг раздался новый голос — того, кто молчал все это время.

— Варвар говорит правду, отец? — спросил принц.

Правитель обернулся.

— Нет, — прошептал он. — Ты не понимаешь. Эти люди не могут жить без короля. Как такое возможно? Каждый в своей деревне, без законов и порядка…

— Лучше сказать — без грабительских налогов и набора в твою игрушечную армию, — отвечал Конан. — Там, где процветает земледелие, не нужен король. Людям достаточно маленьких городов-государств, где они сами решают свои дела — без правителей. Но ты ведь не мог этого допустить, верно?

— Ты приказал нападать на свой собственный остров? — воскликнул принц.

Король выпрямился. Его глаза блеснули.

— Это политика, — прогремел он. — Ты слишком мал, чтобы понять. Наша с тобой власть держится на войне — войне с внешним врагом. Если его нет, мы должны его выдумать. Ты заметил, как любит меня народ? Как мною восхищаются? Они видят во мне защитника.

— Победителя в войне, которая никогда не закончится, — подтвердил Конан. — Кровь невинных людей будет проливаться снова и снова — чтобы сохранить твой трон.

Феррион обернулся к королю — и холодный меч уперся ему в грудь.

— Ты предал меня, — прошептал правитель. — Но мои солдаты верны мне, а не тебе. Ты всего лишь наемник, чужеземец, которого я нанял, когда мой верный советник понадобился мне в другом месте. Сгниешь в камере вместе с остальными — если я не прикажу казнить вас всех раньше.

Лицо начальника стражи посуровело. Резким движением он отбил клинок, и всадил свой меч в живот короля.

— Я поклялся, что покончу с пиратами, — произнес он. — И я это сделал.

Солдаты не шелохнулись. Возможно, верность командиру взяла верх над королевской присягой. Или война с пиратами настолько ожесточила их, что они были рады даже такой победе. А может, гвардейцы просто не хотели умирать ради того, кто уже спустился на Серые равнины.

Принц пошатнулся, словно смертельный удар нанесли ему, а не отцу. Он сделал шаг вперед, и склонился над мертвым телом.

«Возвращение домой, — с горечью подумал Конан. — Люди говорят, что нет ничего прекраснее…»

* * *

Сапфировый остров медленно таял в туманной дали. Конан снова

стоял у борта торгового корабля и смотрел в никуда.

— Думаешь, он станет хорошим королем? — спросила Корделия.

— Нет, — отвечал Конан.

Девушка помолчала.

— Почему король пригласил нас погостить во дворец? — спросила она.

— В городе слишком много солдат. Особенно, после торжественной встречи принца и после парада. Огры сразу привлекают к себе внимание, а король боялся возбудить подозрения Ферриона и принца. Только во дворце он мог отдавать личные приказы гвардейцам — так, чтобы это не показалось никому странным.

— Но почему корсары напали на нас? Все видели — пираты устремились вперед, когда на мачте поднялся флаг Сапфирового острова.

— Вот именно. Так всем показалось. Но на самом деле, корабль — не лошадь, которую можно пустить с места в карьер. Корсарам потребовалось некоторое время, чтобы развернуть паруса. Значит — они атаковали нас еще до того, как поняли, кто на борту. Вот почему медлили вначале, вели себя так странно. И отступили слишком быстро, не попытавшись даже сделать одного залпа. Их капитан увидел знамя, когда было слишком поздно.

Свежий ветер ударил им в лицо.

— Он рассказал бы сыну всю правду?

— Думаю, не сразу. Сначала подготовил бы его к такой мысли. Принца несложно убедить в чем угодно. Поэтому они и хотели тебя убить. Капитан корсаров не понял, что ты его не узнала. Но он не сомневался в другом. Тебе известно, насколько он предан королю. А еще ты любишь лезть в дела, которые тебя не касаются. Их тайна могла раскрыться — как раз в тот момент, когда принц возвращался домой. Этого нельзя было допустить. Король был опытным политиком. Чувствовал — его план вызовет возмущение у сына, если юноша узнает обо всем от других. Но стоит сказать пару слов там, подсластить здесь — и любая подлость покажется проявлением доблести.

Корделия усмехнулась.

— И все-таки ты не любишь правителей. А что бы сам стал делать на их месте?

— Не думаю, что мне это грозит, — рассмеялся Конан. — Я — и вдруг король. Такую странную выдумку даже Меламеду не сочинить.

Голубое море расстилалось вокруг, играя в лучах восходящего солнца.